

АДВОКАТЫ

АЛМАТЫ

информационно-аналитический юридический журнал
№1-2 (85-86) 06'2026

**Добросовестный
приобретатель? Это уже
не важно!**

**Правовые механизмы
регулирования
искусственного
интеллекта: мировая
практика**

**Цифровая сделка и
пределы упрощенного
производства:
требуется ли
переосмысление
стандартов судебного
доказывания?**

Адрес редакции:
Республика Казахстан, 050091,
г. Алматы, Наурызбай Батыра 49\61,
тел.\факс: 8(727) 278-04-77

АДВОКАТЫ АЛМАТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

№1-2 (85-86) 06'2026

Журнал зарегистрирован Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан, Свидетельство о постановке на учет средства массовой информации № 5658-Ж от 18.02.2005 г.

Издается с августа 2004 г.
Периодичность: 4 выпуска в год
Тираж: 1 000 экз.

Издатель:

Алматинская городская коллегия адвокатов,
Республика Казахстан, 050091,
г. Алматы, Наурызбай Батыра 49\61, тел. \факс 8(727) 278-04-77.

Главный редактор:

Неясова Н.М. – Председатель Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов

Выпускающий редактор:

Кусяпова Н.В., адвокат
Специализированной юридической консультации «Адвокат»,
тел: 8 (727) 248-20-25

Редакционная коллегия:

Байгазина Г.Б. – Заместитель Председателя Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов,
Идрисов Р.Д.,
Управляющий партнер АК «Идрисов и партнеры»

IT-менеджер:

Вуйко Я.И.

Дизайн, верстка, фотографии:

Соколов Н.Н.

Адрес редакции:

Республика Казахстан, 050091,
г. Алматы, Наурызбай Батыра 49\61, тел. \факс 8 (727) 278-04-77,
e-mail: ukadvokat@mail.ru

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.

Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов, содержащихся в журнале, допускается только по согласованию с редакцией; ссылка на журнал обязательна.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Краткий обзор участия в Международном семинаре «Особенности депонирования показаний несовершеннолетних в уголовном процессе: судебная практика и проблемные вопросы». Витковская С.В. 3
Борьба с отмыванием денег. Идрисов Р.Д. 6

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Соблюдение права на защиту и оценка достаточности материалов при рассмотрении ходатайств о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей. Седова Р.И. 9
Уголовная ответственность за stalking в Республике Казахстан: основания для ужесточения наказания. Жолдасбек Д.Т. 14
Свидетель или подозреваемый? Стуканов Ю.С. 18

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Добросовестный приобретатель? Это уже не важно! Туkenov A.Э. 26
Правовые механизмы регулирования искусственного интеллекта: мировая практика. Ахметов Б.У. 29

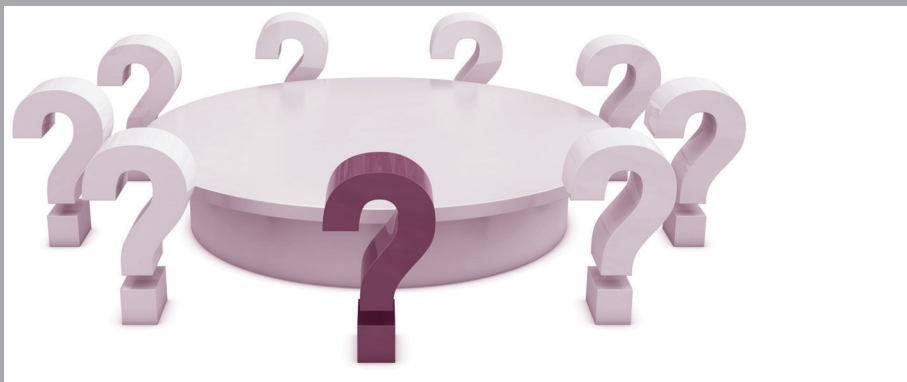
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Административный контроль и судебная защита как элементы единого механизма восстановления нарушенных прав в Республике Казахстан. Родионова Г. А. 38

ГОСТЬ

Цифровая сделка и пределы упрощенного производства: требуется ли переосмысление стандартов судебного доказывания? Акпаева Ж.Ж. 43
Мысли замечательных людей 47

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

**Краткий обзор участия
в Международном
семинаре
«Особенности
депонирования
показаний
несовершеннолетних
в уголовном процессе:
судебная практика и
проблемные вопросы»**

**Борьба
с отмыванием денег**

03

06

Краткий обзор участия в Международном семинаре «Особенности депонирования показаний несовершеннолетних в уголовном процессе: судебная практика и проблемные вопросы»

По поручению руководства Алматинской городской коллегии адвокатов 2 и 3 февраля 2026 года я приняла участие в работе Международного семинара «Особенности депонирования показаний несовершеннолетних в уголовном процессе: судебная практика и проблемные вопросы». Семинар прошел в городе Астана в здании Верховного Суда Республики Казахстан.

В работе Международного семинара приняли участие: Германский фонд Международного Правового Сотрудничества «IRZ», Верховный Суд Республики Казахстан, Министерство внутренних дел Республики Казахстан, Генеральная прокуратура Республики Казахстан, Министерство просвещения Республики Казахстан, Уполномоченный по правам ребенка в Республике Казахстан, Республиканская коллегия адвокатов, местные

суды Республики Казахстан (судьи ювенальных судов, следственных судов, кассационных инстанций), Научно-консультативный совет при Верховном Суде Республики Казахстан, ОФ «Право», Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Судебная администрация Республики Казахстан.

Все участники семинара в своих выступлениях делали акцент на наилучшую защиту прав детей в уголовном процессе, в частности, прав несовершеннолетних потерпевших при депонировании их показаний на стадии досудебного расследования.

Прозвучали и, в основном, были поддержаны предложения по улучшению процедуры депонирования, в частности:

1. Проводить депонирование показаний несовершеннолетних на самой ранней стадии досудебного рассле-

ВИТКОВСКАЯ Светлана Владимировна,
Заведующая Специализированной ювенальной юридической консультацией
Алматинской городской коллегии адвокатов

дования, в первые дни после поступления заявления о совершении уголовного преступления в отношении детей. Дети могут забыть, что с ними произошло, на них могут оказать влияние взрослые.

2. Исключить неоднократные допросы несовершеннолетних детей до депонирования. Также были высказаны предложения о том, чтобы исключить допросы несовершеннолетних до депонирования вовсе.
3. Подготовить специализированных судей для такого депонирования, знающих психологию несовершеннолетних, умеющих создать доверительную спокойную атмосферу для полного качественно проведенного депонирования.
4. Отмечена необходимость специализации следователей и прокуроров.
5. Для процедуры депонирования детей, пострадавших от сексуального насилия, во избежание повторного травмирования детей, при-

влекать специализированных судей – женщин, секретарей – женщин, прокурора – женщину.

6. Исключить при производстве депонирования присутствие посторонних лиц, в том числе – следователя.
7. Проводить депонирование в специальном помещении, где ребенок будет чувствовать себя спокойно.
8. Возможно проводить депонирование дистанционно, чтобы ребенок находился в безопасном привычном для себя месте и видел только судью, другие участники процесса должны быть в зале судебного заседания вне поля зрения ребенка.
9. Установить порядок, при котором вопросы ребенку будет задавать только судья. Вопросы представителя ребенка и адвоката защиты должны быть поданы судье в письменном виде. Это даст ребенку возможность общаться с одним человеком, исключит перекрестный допрос сторон, некорректные, непонятные, эмоционально

окрашенные вопросы обвинительного характера, процедуру снятия вопросов, конфликтные ситуации при депонировании.

10. Разработать с участием юристов и психологов примерный перечень вопросов, понятных детям разного возраста (3-5 лет, 5-7 лет, 7-10 лет, 10-14 лет, 14-16 лет, 16-18 лет).
11. Использовать при депонировании рисунки ребенка, возможность рассказать о случившемся через его рисунки или специальные куклы.
12. Закрепить в нормах УПК РК правило о том, что ходатайство о депонировании показаний несовершеннолетних всегда должно быть удовлетворено.
13. Дополнительно к видеофиксации в обязательном порядке вести полный текстовый протокол депонирования, его удобно изучать, диски и флешки с депонированием ненадежны в сохранении информации.
14. Исключить повторное депонирование детей, либо предусмотреть дополнительное и указать, что дополнительное депонирование допускается в исключительном случае при достаточных основаниях и только дополнительно для разрешения вопросов, не заданных ранее и имеющих важнейшее значение для квалификации преступления.
15. Подготовить предложения по изменению норм УПК РК по депонированию несовершеннолетних, а также Нормативное постановление Верховного Суда Респу-

блики Казахстан по этому вопросу.

Эксперты Германского фонда Международного Правового Сотрудничества «IRZ» выступили с докладами, из которых следует:

Депонирование несовершеннолетних проводится в отсутствии подозреваемого в преступлении лица, сразу после обращения в полицию. Для депонирования не нужен статус подозреваемого, так как подозреваемым лицо становится моментально по факту подачи заявления от ребенка, родителей, школы.

Ложь ребенку не свойственна, он еще не научился лгать. Поэтому необходимо проводить депонирование как можно раньше и качественно, чтобы ребенок не забыл случившееся и на него не оказали давление взрослые.

В Германии судьи используют принцип «свободной оценки доказательств», картинка происшедшего должна сложиться как пазл, тогда суд устанавливает истину. Если доказательств недостаточно, а стороны утверждают противоположное, в этом случае судьи отслеживают историю дачи показаний, запрашивают психологическую экспертизу показаний свидетелей. Если судья видит, что ребенок покраснел или нервничает, то судья не должен себе льстить и думать, что он все понял – ребенок лжет или он говорит правду. Такое заключение могут дать только психологи со специальной квалификацией.

Нужно учесть, что правом ребенка остается его выбор участвовать в главном судебном разбирательстве, несмотря на име-

ющееся депонирование. Ребенком считается лицо, младше 18 лет, и нужно иметь ввиду, что дети 16-17 лет могут выразить желание выступить в главном суде, это – их право.

На вопрос участника семинара, как защитить ребенка от членов семьи, допускающих насилие в отношении ребенка, в том числе физическое или сексуальное, куда поместить в этом случае ребенка, эксперт ответил: скорее из семьи нужно убрать насильника, а не ребенка. В Германии применяется арест на время производства следствия.

Мое выступление содержало информацию о работе адвокатов Специализированной ювенальной юридической консультации в городе Алматы. Консультация работает двадцатый год, адвокаты имеют специализацию, знают международные стандарты в области прав ребенка и основы психологии несовершеннолетних, а также практический опыт работы защиты прав детей в уголовном процессе, как подозреваемых в совершении преступления, так и потерпевших.

В консультации все эти годы работает психолог, на постоянной основе адвокаты проходят серии тренингов, таких как: психологические особенности детей и подростков в кризисных ситуациях, влияние группы на подростка, работа с сопротивлением и недоверием ребенка и другие. В суд адвокаты представляют социально-психологический портрет подсудимого ребенка, с потерпевшими детьми проводится беседа.

На вызовы, где потерпевшим по сексуальному преступлению

требуется адвокат, выезжают только адвокаты – женщины. Это связано с тем, что насилие совершают мужчины, и ребенок еще долго будет ассоциировать любого мужчину как насильника.

В работе адвокатам Специализированной ювенальной юридической консультации требуются специальные качества. Такие, как доброжелательность, эмпатийность, толерантность, стрессоустойчивость, стремление помочь и защитить ребенка.

Многие были поддержаны вышеуказанные рекомендации Международного семинара.

Необходимо отметить, что все доклады были сделаны на семинаре информативно, с опорой на практику. Прозвучало много вопросов в обсуждении докладов, предложений и рекомендаций по теме семинара.

Отдельная благодарность модератору семинара – Председателю судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан Рахметуллиной Назгуль Маульхановне за атмосферу уважения каждого мнения, конструктивный диалог, поиск решения проблем, тайм-менеджмент, внимание и компетентность.

Борьба с отмыванием денег

ИДРИСОВ Равиль Дамирович,
адвокат Алматинской городской коллегии адвокатов,
Управляющий партнер
Адвокатской конторы «Идрисов и Партнеры»,
LLM, Brunel University London

В столице Республики Узбекистан в городе Ташкенте в период с 14 по 15 апреля 2026 года состоялся Международный межпрофессиональный семинар, посвященный вопросам противодействия отмыванию доходов и взаимодействия юридических профессий.

Мероприятие организовано Национальной школой магистратуры Франции (ENM) в партнерстве с Министерством юстиции Франции, Expertise France, Национальной палатой комиссаров юстиции Франции (CNCJ), Национальным советом адвокатских палат Франции (CNB) и Высшим советом нотариата Франции (CSN) при поддержке посольств Франции в Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане.

От Центрально-Азиатского региона в семинаре приняли участие представители судебной системы, финансового-разведывательного

управления, адвокатуры, нотариата, судебного исполнения Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Кыргызской Республики.

Республиканскую коллегию адвокатов представляли адвокаты:

- Айжан Ибраимбекова (город Астана);
- Равиль Идрисов (город Алматы).

Семинар открылся приветственными выступлениями его Превосходительства Посла Франции в Узбекистане месье Уалида Фука, а также представителей французских государственных институтов и профессиональных организаций адвокатуры и нотариата.

С обращениями к участникам выступили Офели Лерей – прокурор, отвечающая за международные миссии в Национальной школе магистратуры Франции и Полин Жирерд – судья, заме-

ститель директора департамента управления Expertise France.

14 апреля 2026 года основное внимание было уделено вопросам противодействия отмыванию денег. С докладами выступили представители судебной системы, адвокатуры, нотариата и корпуса судебных комиссаров Франции (аналог судебным исполнителям). В выступлениях освещены современные подходы к выявлению и предотвращению финансовых преступлений, а также роли юридических профессий в данной сфере.

В ходе презентации французскими коллегами представлена карта рисков и детальная методология оценки рисков отмывания денег в профессиональной деятельности. Подчеркивалось, каждый профессионал видит лишь часть общей картины: нотариус — сделку, адвокат — юридическую схему, судебный исполнитель — взыскание или реализацию имущества.

Отдельно затронута тема «Этики и конфиденциальности», участники рассмотрели вопросы соотношения профессиональной тайны, но и, одновременно, сотрудничества в случае обна-

ружения подозрительных операций по отмыванию денег.

14 апреля 2026 года состоялась практическая часть, включающая работу в группах, где участники семинара обменивались лучшими профессиональными практиками в сфере борьбы с отмыванием преступных денег.

Представитель адвокатуры Республики Казахстан Идрисов Равиль презентовал французским коллегам «Практическое руководство по выявлению, расследованию и судебному рассмотрению преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет и электронных информационных ресурсов» (2022), разработанное с учетом международных стандартов и конституционных гарантий прав человека.

В дополнение к этому, также проведен сравнительный анализ законодательства стран-участниц в сфере противодействия отмыванию денежных средств. Представители Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана представили национальные подходы к квалификации указанного преступления, особенности правоприменительной практики и возникающие правовые сложности.

По итогам семинара участники подчеркнули высокую значимость межпрофессионального и международного сотрудничества в борьбе с финансовыми преступлениями, а также важную роль института адвокатуры, который не должен становиться инструментом легализации преступных доходов.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

**Соблюдение права
на защиту и оценка
достаточности
материалов
при рассмотрении
ходатайств
о санкционировании
меры пресечения в виде
содержания под стражей**

09

**Уголовная
ответственность
за stalking
в Республике Казахстан:
основания для
ужесточения наказания**

14

**Свидетель
или подозреваемый?**

18

Соблюдение права на защиту и оценка достаточности материалов при рассмотрении ходатайств о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей

Вопрос санкционирования меры пресечения в виде содержания под стражей имеет исключительное значение, поскольку речь идет о наиболее строгой мере процессуального принуждения, непосредственно ограничивающей конституционное право человека на свободу и личную неприкосновенность. В силу положений Конституции и УПК РК лишение свободы на досудебной стадии допустимо только при строгом соблюдении закона, наличии проверенных фактических оснований и судебном контроле, который не должен носить формальный характер.

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 января 2020 года № 1 «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения» прямо ориентирует суды на то, что при санкционировании меры пресечения необходимо обеспечивать соблюдение прав

подозреваемого и обвиняемого, проверять обоснованность подозрения, наличие реальных рисков, а также невозможность применения менее строгих мер пресечения.

Следовательно, судебное заседание по санкционированию содержания под стражей не может рассматриваться как техническая процедура утверждения позиции органа досудебного расследования.

Настоящая статья посвящена двум практическим проблемам, которые регулярно возникают при направлении материалов в следственный суд: во-первых, ненадлежащему и несвоевременному ознакомлению стороны защиты с ходатайством и материалами; во-вторых, низкому качеству материалов, направляемых в суд для обоснования самой строгой меры пресечения.

СЕДОВА Раиса Идрисовна,
адвокат Юридической консультации № 3
Алматинской городской коллегии адвокатов

I. Проблема несвоевременного ознакомления стороны защиты с ходатайством и материалами

На практике нередко складывается ситуация, при которой орган досудебного расследования направляет в суд ходатайство о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, однако сторону защиты с этим ходатайством и приложенными материалами своевременно не знакомит. Фактически материалы предоставляются защитнику лишь непосредственно перед судебным заседанием, в условиях крайне ограниченного времени.

Такой подход существенно ограничивает право на защиту. Защитник не имеет реальной возможности внимательно изучить ходатайство, проверить, какие именно доказательства представлены в подтверждение подозрения, оценить наличие либо отсутствие рисков, подго-

товить письменные возражения и предложения о применении менее строгой меры пресечения.

Судебное заседание по санкционированию содержания под стражей должно обеспечивать состязательность и равенство сторон. Если орган уголовного преследования заранее располагает всеми материалами и формирует ходатайство, а защита получает эти материалы непосредственно перед заседанием, то сторона защиты оказывается в заведомо неравном процессуальном положении. **В результате защита вынуждена реагировать на доводы следствия без достаточной подготовки, что снижает качество судебной проверки и создает риск формального санкционирования содержания под стражей.**

Особенно важно подчеркнуть, что Верховный Суд Республики Казахстан в пункте 10 Нор-

мативного постановления № 1 разъяснил: при проверке обоснованности подозрения суд учитывает доводы и представленные стороной защиты материалы, устанавливает достоверность и достаточность доказательств, а также проверяет соответствие описания события преступления примененной квалификации. **Однако сторона защиты не может полноценно представить доводы и материалы, если ей не предоставлено разумное время для ознакомления с ходатайством и приложениями.**

Следовательно, несвоевременное предоставление стороне защиты материалов по вопросу избрания меры пресечения фактически лишает защитника возможности оказать квалифицированную правовую помощь в полном объеме и одновременно снижает качество судебного контроля за обоснованностью ходатайства органа уголовного преследования.

В подобных случаях суду целесообразно выяснять, когда именно защитник и подозреваемый были ознакомлены с ходатайством, каким способом им были предоставлены материалы, имелась ли реальная возможность подготовить позицию и были ли заявлены ходатайства о предоставлении времени для ознакомления.

II. Проблема качества материалов, направляемых для санкционирования содержания под стражей

Вторая системная проблема состоит в качестве материа-

лов, которые орган досудебного расследования представляет в следственный суд. Как правило, в суд направляются рапорт об обнаружении уголовного правонарушения, сведения о регистрации в ЕРДР, заявление потерпевшего или потерпевшей, протоколы допроса подозреваемого, отдельные допросы свидетелей, возможно, протоколы очных ставок, а также материалы о квалификации деяния.

Указанные документы могут иметь значение для первоначальной проверки факта регистрации уголовного правонарушения и наличия подозрения.

Однако сами по себе они не всегда подтверждают основания для избрания именно содержания под стражей.

Необходимо четко разграничить два самостоятельных вопроса:

1. наличие обоснованного подозрения и
2. наличие фактических обстоятельств, свидетельствующих о реальной возможности того, что лицо скроется, воспрепятствует расследованию, продолжит преступную деятельность либо иным образом нарушит цели уголовного процесса.

Пункт 5 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан (далее – «ВС РК») № 1 прямо указывает, что основаниями для применения меры пресечения являются такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения подозреваемым

или обвиняемым действий, перечисленных в части первой статьи 136 УПК РК. При отсутствии таких оснований мера пресечения не может быть избрана. Кроме того, тяжесть совершенного преступления, согласно части второй статьи 138 УПК РК и разъяснениям Верховного Суда Республики Казахстан, не может являться единственным основанием для содержания под стражей, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Вместе с тем в ходатайствах органов досудебного расследования часто **используются общие формулировки:** лицо «может скрыться от органа уголовного преследования», «может воспрепятствовать расследованию», «необходимо проверить на причастность к другим уголовным правонарушениям».

Такие формулировки сами по себе не являются доказательствами. Они должны быть подтверждены конкретными фактическими данными, представленными суду и проверяемыми в судебном заседании.

Например, пункт 7 Нормативного постановления ВС РК № 1 разъясняет, что о возможности скрыться могут свидетельствовать подтвержденные факты продажи имущества, приобретение проездных билетов с целью выезда за пределы места жительства или страны, снятие с регистрационного учета, снятие с воинского учета, наличие гражданства иностранного государства, отсутствие постоянного места жительства, работы, семьи, наличие источника дохода или имущественных ресурсов

за рубежом и другие аналогичные обстоятельства.

Если такие сведения суду не представлены, ссылка на риск сокрытия остается предположением.

Тот же пункт 7 Нормативного постановления ВС РК указывает, что данными о продолжении преступной деятельности являются сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных и следственных мероприятий, указывающие на продолжение преступной деятельности, угрозы участникам уголовного судопроизводства или соучастникам, а также особенности личности, свидетельствующие о склонности к совершению новых уголовных правонарушений.

Соответственно, абстрактное утверждение о возможном продолжении преступной деятельности без конкретных материалов не может служить достаточным основанием для заключения под стражу.

Отдельного внимания заслуживает формулировка о необходимости «проверить лицо на причастность к другим уголовным правонарушениям». Такая необходимость не является самостоятельным основанием для содержания под стражей. Если у органа досудебного расследования имеются конкретные сведения о причастности к другим правонарушениям, они должны быть представлены суду и оценены с точки зрения относимости, допустимости и достаточности для вывода о наличии процессуального риска. Если же такие сведения

отсутствуют, содержание под стражей не может использоваться как средство предварительной проверки личности.

Таким образом, материалы, направляемые в суд, должны быть достаточны не только для констатации факта регистрации дела, но и для судебной проверки трех ключевых элементов: **обоснованности подозрения, наличия реальных процессуальных рисков и невозможности применения более мягкой меры пресечения.**

Невозможность применения менее строгой меры пресечения должна быть доказана, а не заявлена формально

Часть первая статьи 147 УПК РК предусматривает, что содержание под стражей применяется лишь при **невозможности** применения других, менее строгих мер пресечения. Это означает, что орган досудебного расследования **обязан** не только просить суд о санкционировании содержания под стражей, но и мотивированно объяснить, **почему** подписка о невыезде, личное поручительство, залог, домашний арест, электронные средства слежения либо иные предусмотренные законом меры не смогут обеспечить надлежащее поведение подозреваемого.

Данная обязанность подтверждается и практическими разъяснениями Верховного Суда Республики Казахстан. В пункте 7 Нормативного постановления ВС РК № 1 указано, что при избрании и санкционировании меры пресечения **необходимо рассматривать возможность применения менее строгой**

меры с учетом наличия электронных средств слежения.

Следовательно, если орган досудебного расследования **ограничивается перечислением рисков, но не объясняет, почему** эти риски невозможно нейтрализовать домашним арестом, залогом, запретом общения с определенными лицами, обязательством явки либо электронным контролем, **ходатайство не отвечает требованиям мотивированности.**

Следственный судья, рассматривая ходатайство, должен проверить не только наличие формального подозрения и категорию преступления, но и то, представлены ли достаточные доказательства невозможности применения альтернатив. Например, при наличии постоянного места жительства, семьи, работы, иждивенцев, положительных характеристик, явки по вызовам, отсутствия фактов давления на свидетелей и отсутствия попыток скрыться **применение содержания под стражей требует особенно убедительной мотивации.**

Предложения по совершенствованию практики

1. При поступлении ходатайства о санкционировании содержания под стражей необходимо, чтобы суд проверял факт и время ознакомления стороны защиты с ходатайством и приложенными материалами. В материалах должны содержаться **подтверждения того, что подозреваемый и защитник получили доступ к**

ходатайству и приложениям заблаговременно, а не непосредственно перед судебным заседанием. При отсутствии такого подтверждения суду целесообразно выяснять позицию защиты и при необходимости предоставлять разумное время для ознакомления и подготовки возражений с учетом процессуальных сроков рассмотрения ходатайства.

2. Ходатайства, построенные исключительно на общих формулировках о возможном сокрытии, воспрепятствовании расследованию или необходимости проверки на причастность к другим правонарушениям, должны признаваться недостаточно мотивированными. **Судебная практика должна исходить из того, что риск должен подтверждаться фактическими данными, а не предположениями органа уголовного преследования.**
3. Необходимо разграничивать материалы, подтверждающие подозрение, и материалы, подтверждающие основания меры пресечения. Рапорт, регистрация в ЕРДР, заявление потерпевшего и первичные допросы могут иметь значение для подозрения, однако **для заключения под стражу должны быть представлены дополнительные данные о реальных процессуальных рисках и невозможности применения альтернатив.**
4. Обязательное обсуждение менее строгих мер

пресечения. В каждом судебном заседании необходимо ставить вопрос о том, почему конкретно не может быть применен домашний арест, залог, электронные средства слежения, обязательство явки или иные предусмотренные статьей 137 УПК РК меры. **Если орган досудебного расследования не обосновал невозможность таких мер, это должно оцениваться как существенный недостаток ходатайства.**

5. В постановлении следственного судьи целесообразно отражать не только ссылки на нормы УПК РК, но и **конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие каждый заявленный риск.** Такая практика соответствует пункту 21 Нормативного постановления ВС РК № 1, согласно которому, выводы о том, что подозреваемый будет препятствовать судопроизводству, скроется от следствия и суда либо продолжит преступную деятельность, должны быть **подкреплены достаточными доказательствами и мотивированы должным образом.**
6. При ссылке органа расследования на необходимость проверки лица на причастность к другим уголовным правонарушениям необходимо, чтобы **суд требовал представить конкретные сведения, подтверждающие такую версию.** Само по себе намерение

проверить лицо не должно подменять законные основания меры пресечения.

Заключение

Содержание под стражей является исключительной и наиболее строгой мерой пресечения. Ее применение допустимо только тогда, когда суду представлены достаточные материалы, подтверждающие обоснованность подозрения, наличие реальных процессуальных рисков и невозможность применения менее строгих мер. Формальное перечисление оснований, предусмотренных УПК РК, без конкретных доказательств – не отвечает требованиям закона и разъяснениям Верховного Суда Республики Казахстан.

Не менее важным является обеспечение стороне защиты реальной возможности подготовиться к судебному заседанию. Если ходатайство и материалы предоставляются защитнику непосредственно

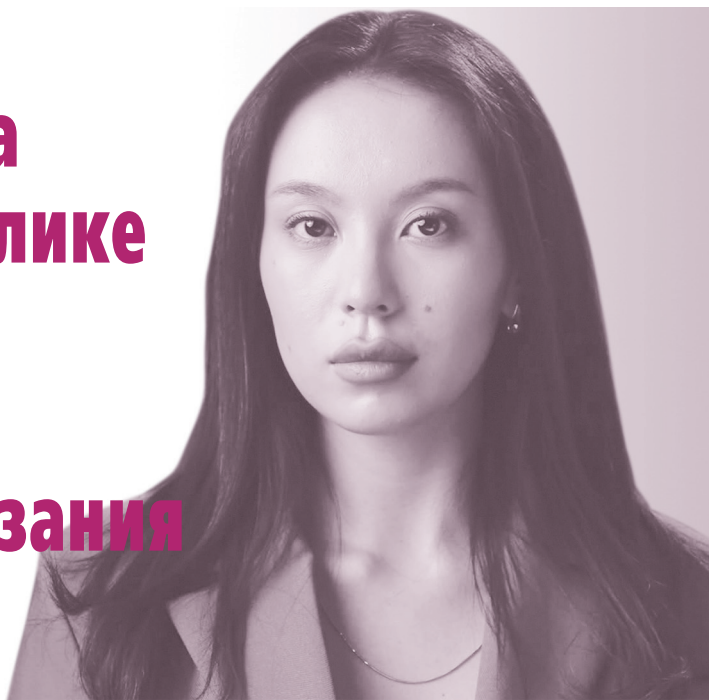
перед заседанием, судебный контроль теряет полноту, а принцип состязательности становится формальным. Поэтому своевременное ознакомление защиты должно рассматриваться как необходимое условие качественного и справедливого рассмотрения вопроса о санкционировании содержания под стражей.

С учетом изложенного представляется необходимым обратить внимание судов на то, что санкционирование содержания под стражей должно быть исключением, основанным на проверенных фактических данных, а не результатом шаблонного воспроизведения доводов органа досудебного расследования.

Только такой подход соответствует Конституции Республики Казахстан, УПК РК и Нормативному постановлению ВС РК № 1 «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения».

Уголовная ответственность за сталкинг в Республике Казахстан: основания для ужесточения наказания

ЖОЛДАСБЕК Диана Талғатқызы,
стажер АК «Legit»,
Алматинской городской коллегии адвокатов

В последние годы проблема сталкинга как формы навязчивого и систематического преследования приобретает все большую актуальность. Развитие цифровых технологий, расширение возможностей коммуникации и доступность персональных данных существенно увеличили способы осуществления контроля за частной жизнью лица, что, в свою очередь, усилило общественную опасность подобных деяний.

Цель при внедрении этого проекта – не немедленно осуждать граждан по этой норме и отправлять их в тюрьму. Эта норма вводится для предотвращения серьезных, и особенно серьезных, преступлений, отмечает Абзал Куспан, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан [1, С. 10].

Одновременно подчеркивалось, что для Республики Казахстан сталкинг как самостоятельный

состав уголовного правонарушения является новеллой, в связи с чем, требуется оценка эффективности его правового регулирования на практике. Вместе с тем следует отметить, что новизна нормативного закрепления не означает новизны самого явления.

Так, весной 2021 года в городе Атырау мать троих детей преследовал знакомый. В один из дней, будучи уже не в состоянии сдерживать свои порывы, он взломал балконную дверь, проник в квартиру, пробил женщине голову топором, а сам повесился в туалете. До этого жертва неоднократно обращалась в правоохранительные органы, однако реакции от сотрудников правоохранительных органов не последовало [2].

Другой случай произошел 11 января 2023 года в Шымкенте, где скончалась 21-летняя девушка от ударов ножом. На

кадрах видеозаписи, которые распространились в сети, видно, как девушка пытается убежать, затем сопротивляется, а молодой человек избивает ее и наносит удары ножом. После он скрывается с места преступления [3]. Указанное преступление было совершено после длительного преследования потерпевшей, ее похищения с целью принуждения к браку и последующего применения насилия со стороны виновного лица, приведшего к ее убийству.

В январе 2026 года Заместитель Министра внутренних дел Игорь Лепеха сообщал, что на тот момент в стране было возбуждено лишь около 8 уголовных дел по фактам stalking. Резкий рост статистики до 51 дела, переданного в суд, свидетельствует о том, что механизм фиксации подобных преступлений начал работать более эффективно [4]. Уголовное правонарушение, предусмотренное ст. 115-1 УК РК, носит систематический характер, в связи с чем, 51 дело отражает не фактический масштаб явления, а лишь начальный уровень его выявления. Таким образом, подобные деяния существовали и ранее, однако не получали надлежащей уголовно-правовой оценки.

Учитывая, что stalking, в ряде случаев, приводит к тяжким и даже летальным последствиям для потерпевших, действующая санкция представляется несоответствующей характеру и степени общественной опасности данного уголовного правонарушения. Оценка необходимости ужесточения санкции, на наш взгляд, исходит из положений криминологической теории.

В криминологической теории stalking рассматривается как форма девиантного поведения, обусловленного сочетанием биологических, психологических и социальных факторов, что определяет различные типы stalkеров. Так, P. Mullen, M. Pathé, R. Purcell и J. Stuart выделяют пять категорий stalkеров:

1. Stalker, которому было отказано.
2. Stalker в поисках интимности.
3. Stalker, неадекватный ухажер.
4. Злопамятный stalker.
5. Stalker охотник [5, С. 280].

Указанная типология свидетельствует о том, что поведение stalkеров носит девиантный характер и, в ряде случаев, связано с психологическими отклонениями, навязчивыми установками и искаженным восприятием межличностных отношений. Тем самым, такое поведение создает угрозу жизни и здоровью «жертв» stalkеров.

Так, Джохар Утебеков в своей статье пишет, что на Западе широко практикуется обязательное прохождение stalkером психологической коррекции под угрозой отмены условного осуждения. Там есть четкое понимание, что stalkера надо лечить [6, С. 4].

Наряду с этим, зарубежные государства исходят из необходимости установления более строгой уголовной ответственности за stalking, учитывая его систематический характер и потенциальную опасность для жизни и здоровья потерпевших.

В этой связи, позиция депутата Абзала Куспана о необходимости длительной апробации нормы представляется дискуссионной, поскольку накопленный зарубежный опыт подтверждает высокую степень общественной опасности stalking и необходимость своевременного формирования соразмерных механизмов реагирования. Подтверждением изложенного служит зару-

бежный опыт уголовно-правового регулирования stalkingа.

В Великобритании существует Закон о защите от домогательств, который действует с 1997 года. Уголовный проступок по данному Закону предусматривает лишение свободы до 6 месяцев, а по stalkingу, вызвавшему страх насилия либо серьезную тревогу, суды вправе назначить до 10 лет лишения свободы. Кроме того, с учетом психического состояния лица, суды могут запрашивать психиатрические заключения [7].

В Австралии существует закон о преступлениях 1958 года штата Виктория, в котором ст. 21A «Stalking» действует с января 1995 года и содержит наказание в виде 10 лет лишения свободы. В рамках реагирования на stalkеров, судами рассматриваются необходимость назначения коррекционных и терапевтических мер, поскольку учитываются психологические и поведенческие причины преследования [8].

Более примечательным практическим опытом отличается Южная Корея, поскольку она приняла Закон о наказании за преступление stalkingа 20 апреля 2021 года. Несмотря на нововведение, Южная Корея за stalking предусматривает в первой редакции наказание в виде 3 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах, – до 5 лет лишения свободы [9].

Опыт Великобритании, Австралии и Южной Кореи показывает, что stalking в зарубежных правовых порядках рассматривается как деяние, способное повлечь непосредственно лишение свободы. При этом Великобритания и Австралия дополнительно используют комплексный подход, при котором наказание может сочетаться с психиатрической оценкой, психологической коррекцией и иными мерами воздействия на поведение правонарушителя.

Указанный опыт свидетельствует о необходимости пересмотра

как санкции, так и отдельных признаков состава уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 115-1 УК РК.

Во-первых, в диспозиции ст. 115-1 УК РК целесообразно отказаться от использования чрезмерно оценочного признака «существенный вред». Указанная формулировка не позволяет единообразно определить, какие именно последствия stalkingа должны признаваться юридически значимыми. Последствия stalkingа для потерпевшего могут выражаться в виде постоянного стресса, тревоги или эмоционального дискомфорта, которые нами расцениваются как существенный вред. Однако словосочетание «существенный вред» правоохранительными органами может трактоваться иным образом, что, в свою очередь, способно повлечь необоснованный отказ в защите прав потерпевшего.

Во-вторых, необходимо в диспозиции статьи закрепить признак вынужденного изменения привычного образа жизни потерпевшего. Такой подход позволяет отразить реальное воздействие stalkера на повседневную жизнь субъекта: лицо, то есть потерпевший не просто испытывает психологический дискомфорт, а вынужден менять «обыденную рутину», маршруты передвижения, способы коммуникации, круг общения, место проживания, работы или учебы, а также принимать дополнительные меры личной безопасности.

В этой связи будет разумно предусмотреть в ст. 115-1 УК РК примечание, согласно которому под вынужденным изменением привычного образа жизни следует

понимать действия потерпевшего, совершенные вследствие преследования, помимо действий, указанных в предыдущем абзаце, включить смену номера телефона или аккаунтов, усиление мер личной безопасности, обращение за помощью к близким лицам, специалистам, представителям либо правоохранительным органам. Однако такой перечень не должен быть закрытым, поскольку формы stalking, типы stalkers и способы реагирования потерпевшего могут различаться в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Кроме того, действующая редакция ст. 115-1 УК РК, на наш взгляд, изначально требовала более тщательной градации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния.

Тем самым, на данном этапе нужно внести изменения и дополнения в части ужесточения наказания за stalking, сопряженный с угрозами причинения вреда, а также осуществляемый с использованием цифровых технологий и средств контроля. В отношении указанных форм обоснованным представляется установление наказания в виде лишения свободы на срок до трех лет, при этом stalking, не сопряженный с вышеуказанными действиями, должен сохранять текущую редакцию, однако ввести лишение свободы до 6 месяцев.

Более строгий подход оправдан в случаях, когда преследование сопровождается незаконным проникновением в жилище или иные охраняемые объекты, поскольку такие действия затрагивают неприкосновенность частной жизни и личную

безопасность, которая выражается в угрозе жизни, здоровью и половой неприкосновенности индивида. Следовательно, за уголовное правонарушение, сопряженное с незаконным проникновением в жилище или иные охраняемые объекты, обоснованным представляется установление наказания в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет.

Наряду с основным наказанием, лицу, признанному виновным в совершении stalking, необходимо на законодательном уровне в УК РК в обязательном порядке назначать прохождения программы психологической коррекции, психотерапевтического консультирования либо психологического наблюдения сроком не менее шести месяцев.

Мы, в свою очередь, такое нововведение аргументируем тем, что stalking характеризуется девиантным, социально неадекватным поведением, нередко связанным с навязчивыми и деструктивными установками, в связи с чем, требует не только назначения наказания в виде лишения свободы, но и профессиональной коррекции с целью предотвращения рецидива.

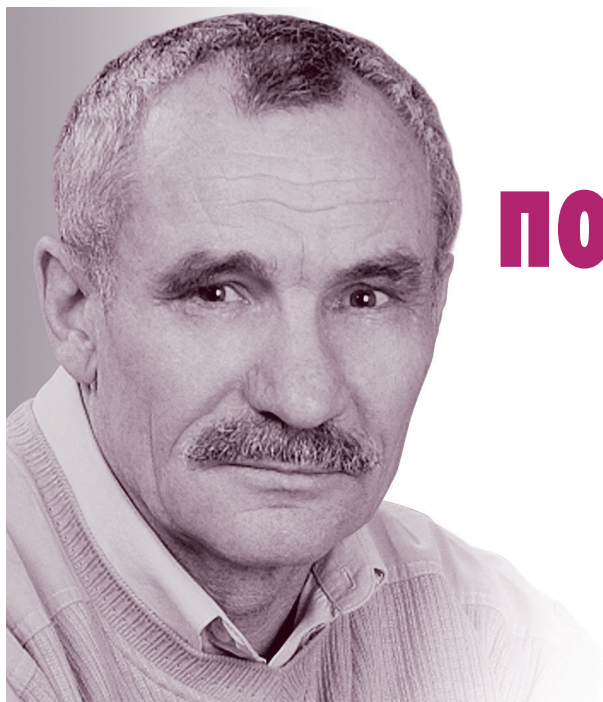
Наша позиция поддерживается и иными правозащитниками, которые указывают, что преступники и преследователи платят штраф и продолжают преследование. И жить с таким психологическим насилием непросто. Поэтому я считаю, что это следует включить в законодательство и рассмотреть вопрос о строгом наказании [1, С. 10].

Таким образом, ужесточение уголовной ответственности за stalking в сочетании с обяза-

тельными мерами психологической коррекции stalkers является необходимым условием обеспечения эффективной защиты прав личности и предупреждения более тяжких уголовных правонарушений.

Список использованных источников:

1. Құспан А., Қалиева Ж., Оразбекова Д. «Сталкинг» жасағандарды қатаң жазалау керек пе? //Сарыарқа самалы. – 2025. – № 6 (16074). – С. 10.
2. Мужчина изнасиловал мать троих детей, ударил ее топором и повесился в туалете // <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2021/04/21/178215/> (по состоянию 21.04.2021 г.).
3. Убийство Нурай: на полицейских Шымкента завели уголовное дело // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ubiystvo-nuray-politseyskih-shymkenta-zaveli-ugolovnoe-delo-590848/ (по состоянию на 22.01.2026 г.).
4. Более 50 дел о stalking дошли до суда в Казахстане // <https://kz.kursiv.media/2026-03-17/dnlt-bolee-50-del-o-stalkinge-doshli-do-suda-v-kazakhstane/> (по состоянию на 17.03.2026 г.).
5. Сторублёнкова Е.Г., Самуткин В.Л. Сталкинг: синдром навязчивого преследования //Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 278 – 281.
6. Утебеков Д. Когда внимание превращается в угрозу //Юридическая газета. – 2026. – № 16 (4016). – С. 4.
7. Harassment and stalking // <https://sentencingcouncil.org.uk/resources/> (дата обращения 25.04.2026 г.).
8. Australian Stalking Laws // <https://privacy.org.au/resources/privacy-law/australia/> (дата обращения 25.04.2026 г.).
9. Understanding and Responding to Stalking // https://www.kicj.re.kr/board.es?act=view&bid=0029&list_no=14292&mid=a20201000000& (дата обращения 25.04.2026 г.).

Свидетель или подозреваемый?

СТУКАНОВ Юрий Сергеевич,
адвокат Специализированной юридической консультации
«Адвокат»
Алматинской городской коллегии адвокатов

Для уяснения процессуального положения этих участников уголовного процесса обратимся к этимологии этих слов.

Слово **свидетель** – происходит от древнерусского «свидѣтель», связанного с глаголом «ведать», то есть – знать, быть осведомленным.

Изначальный смысл этого слова – тот, кто знает, то есть видел или слышал, что-то, о каком-либо событии.

Слово **подозреваемый** связано с глаголом «подозревать», которое, в свою очередь, образовано от слова «зрение», то есть зреть, видеть.

Разбор этого слова: под – оттенок значения «скрыто», «не до конца ясно»;

«зреть» – видеть; «-ваемый» – тот, над кем совершается действие.

Изначальный смысл этого слова «тот, на кого смотрят с сомнением» или «тот, кого не до конца ясно «видят», но предполагают.

Из содержания, вышеизложенного следует вывод.

Свидетель – тот, кто знает, так как видел или слышал.

Подозреваемый – тот, на кого смотрят с сомнением.

Свидетель – человек, который лично присутствовал при каком-нибудь событии, очевидец (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 625).

Подозревать – иметь подозрение против кого-нибудь.

Подозреваться – быть на подозрение у кого-нибудь.

Подозрение – предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в справедливости чьих-нибудь слов, в честности чьих-нибудь намерений.

Подозрительный – вызывающий подозрение (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 477).

Свидетель – в советском праве лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу (Юридический энциклопедический словарь. – М., 1987, – С. 417).

Подозреваемый – в советском уголовном процессе лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления или подвергнутое мере пресечения до предъявления обвинения (Юридический энциклопедический словарь, – М., 1987, – С. 326).

Свидетель – всякое лицо, которое может дать показания об известных ему обстоятельствах по уголовному делу (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Казахской ССР, 1967 г., ст. 21 п. 14).

Подозреваемый – лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, и лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Казахской ССР, 1967 г., ст. 21 п. 8).

13 декабря 1997 года был принят Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан

(введен в действие 01 января 1998 года).

Свидетель ст. 82: В качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано и допрошено любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

Подозреваемый ст. 68: Подозреваемым признается лицо, в отношении которого на основаниях и в порядке, установленных настоящим Кодексом, возбуждено уголовное дело в связи с подозрением его в совершении преступления, о чем ему объявлено следователем, дознавателем, либо осуществлено задержание, либо применена мера пресечения до предъявления обвинения.

Действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в редакции от 13 декабря 1997 года было прекращено в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан 04 июля 2014 года, который введен в действие 01 января 2015 года.

Свидетель ст. 78 ч. 1: В качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано и допрошено любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

В этой статье появляется новый участник уголовного процесса «ч. 5: В случае, если на лицо указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как на лицо, его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к дан-

ному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, **то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту.**».

Свидетель, имеющий право на защиту, обязан: являться по вызовам суда, прокурора, лица, осуществляющего досудебное расследование; соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

Эта статья помещена в главу 10 «Иные лица, участвующие в уголовном процессе».

Сравнивая права этих участников уголовного процесса, обнаруживается совпадение их прав. В частности, права подозреваемого перечисленные в пунктах — 3, 6, 8, 11, 12, 13 совпадают с правами свидетеля, имеющего права на защиту.

При этом, их правовой статус размещен в разных главах, на что выше обращено внимание.

Законом Республики Казахстан № 49-VII от 09 июня 2021 года внесены изменения, и части 5, 6 исключены **из ст. 64 УПК РК.**

Процессуальный статус свидетеля, имеющего право на защиту, оформлен самостоятельной статьей: Статья 65-1 «Свидетель, имеющий право на защиту».

Для удобства, с учетом судебной-следственной практики, в отношении этого участника процесса, далее по тексту будет применена аббревиатура СИПЗ.

Статья 65-1 Свидетель, имеющий право на защиту	Статья 64 Подозреваемый
В случае, если на лицо указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как на лицо, его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту. 2. Свидетель, имеющий право на защиту, имеет право: 1) получить от лица, осуществляющего досудебное производство, разъяснение принадлежащих ему прав; 2) получить от лица, осуществляющего досудебное расследование, разъяснение о статусе свидетеля, имеющего право на защиту; 3) ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы в случаях, предусмотренных УПК РК; 4) ознакомиться с заключением экспертизы в случаях, предусмотренных УПК РК; 5) отказаться от дачи показаний; 6) самостоятельно или через своих родственников или доверенных лиц пригласить защитника. В случае, если защитник не приглашен свидетелем, имеющим право на защиту, его родственниками или доверенными лицами, орган уголовного преследования обязан обеспечить его участие в порядке, предусмотренном частью третьей статьи 67 УПК РК; 7) давать показания в присутствии защитника;	1. Подозреваемым является лицо: 1) в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого, согласованное с прокурором; 1-1) допрошенное в качестве подозреваемого в порядке, предусмотренном частью 1-2 статьи 202 УПК РК, до момента отказа прокурора в согласовании постановления о признании лица подозреваемым; 2) задержанное в порядке статьи 131 УПК РК; 3) в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния подозреваемого прокурором либо лицом, осуществляющим досудебное расследование, согласованное с прокурором; 4) допрошенное в связи с наличием подозрения в совершении уголовного проступка или уголовных правонарушений, указанных в частях второй 11-1 статьи 191 УПК РК. 9. Подозреваемый вправе: 1) получить от лица, осуществившего задержание, разъяснение принадлежащих ему прав; 2) знать, в чем он подозревается; 3) самостоятельно или через своих родственников или доверенных лиц пригласить защитника. В случае, если защитник не приглашен подозреваемым, его родственниками или доверенными лицами, орган уголовного преследования обязан обеспечить его участие в порядке, предусмотренном частью третьей статьи 67 УПК РК; 4) пользоваться правами гражданского ответчика в случае признания его таковым в связи с предъявлением по делу гражданского иска;

8) давать показания на родном языке или языке, которым владеет; 9) пользоваться бесплатной помощью переводчика; 10) собственноручной записи своих показаний в протоколе допроса; 11) знакомиться с документами, указанными в части первой настоящей статьи, за исключением материалов оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий и негласных следственных действий, а также содержащихся в них персональных данных; 12) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания, представлять доказательства; 13) заявлять ходатайства, касающиеся его прав и законных интересов, в том числе о производстве экспертизы и применении мер безопасности; 14) заявлять отводы; 15) на очную ставку с теми, кто свидетельствует против него; 16) приносить жалобы на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора.	5) иметь свидание с избранным или назначенным защитником наедине и конфиденциально, в том числе до начала допроса; 6) давать показания только в присутствии защитника, за исключением случаев отказа от него; 7) получить копии постановлений о признании подозреваемым, гражданским ответчиком, квалификации деяния, протокола задержания, ходатайства и постановления об избрании и продлении срока меры пресечения, постановления о прекращении уголовного дела; 8) отказаться от дачи показаний; 9) получить от лица, осуществляющего досудебное расследование, разъяснение о порядке и условиях применения меры пресечения в виде залога и других мер, не связанных с содержанием под стражей; 10) представлять доказательства; 11) заявлять ходатайства, в том числе о принятии мер безопасности, и отводы; 12) давать показания на родном языке или языке, которым владеет; 13) пользоваться бесплатной помощью переводчика; 13-1) обратиться в службу пробации для проведения в отношении него досудебной пробации; 14) участвовать с разрешения органа уголовного преследования в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству защитника либо законного представителя; 15) примириться с потерпевшим в случаях, предусмотренных законом, в том числе в порядке медиации; 16) на любой стадии расследования заявить ходатайство прокурору либо выразить ему
---	---

	согласие о заключении процессуального соглашения с изложением своих предложений о виде и мере наказания и заключить процессуальное соглашение; 16-1) заявить ходатайство о применении приказного производства по делу об уголовном проступке или о преступлении небольшой тяжести; 17) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать замечания на протоколы; 18) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя, дознавателя, прокурора и суда; 19) защищать свои права и законные интересы иными способами, не противоречащими закону; 20) при назначении и производстве экспертизы, а также предъявлении ему заключения эксперта осуществлять действия, предусмотренные статьями 274, 286 УПК РК; 21) в порядке, установленном УПК РК, знакомиться по окончании расследования с материалами дела и выписывать из него любые сведения, а также снимать копии с использованием научно-технических средств, за исключением сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; 22) возражать против прекращения уголовного преследования; 23) безотлагательно уведомляться органом, ведущим уголовный процесс, о принятии процессуальных решений, затрагивающих его права и законные интересы, за исключением вопросов, касающихся негласных следственных действий, а также получить их копии; 24) ходатайствовать о дополнительном допросе показывающего против него свидетеля, вызове и допросе в качестве свидетелей указанных им лиц на очную ставку с ними.
--	---

Путем простого сравнения процессуальных прав этих двух участников уголовного процесса видно, что права СИПЗ, состоящие из 16 пунктов, в 14 совпадают с правами подозреваемого, состоящими из 24 пунктов.

Эти два участника процесса обладают главным правом – правом отказа от дачи показаний: СИПЗ ст. 65-1 ч. 2 п. 5, Подозреваемый ст. 64 ч. 9 п. 8.

Необходимо обратить внимание на обстоятельство, изложенное в ст. 65-1 ч. 1 в силу которого лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, приобретает статус СИПЗ.

Указаны два основания:

- 1) в случае, если на лицо указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как на лицо, его совершившее,
- 2) либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту.

Обращаю внимание, что эти основания также регламентированы отдельными нормами, регулирующими прием заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях. В частности, Правила приема регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований, утв. Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89

(зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 года № 9744) содержат Приложение 5 «Заявление о совершенном или готовящемся уголовном правонарушении», в котором, четко изложено в самом начале, в пункте 1: «Об уголовной ответственности по статье 419 Уголовного кодекса Республики Казахстан, согласно которой за заведомо ложный донос о совершении уголовного правонарушения предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 10-ти лет – **предупреждён**».

Статья 78 «Свидетель»:

1. В качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано и допрошено любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

4. Свидетель обязан:

2) правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы.

8. За дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность, предусмотренную Уголовным кодексом Республики Казахстан.

Из приведенных норм видно, что следует считать эти два обстоятельства признания лица СИПЗ – достоверными и не вызывающими сомнения.

Какой следует вывод из этого?

Вывод, по мнению автора, что СИПЗ это тот же подозреваемый, с такими же процессуальными правами, что и подозреваемый, но об этом ему не сообщается, и, тем самым, это лицо вводится в заблуждение. Поскольку человеку сообщают – вы свидетель и имеете право на защиту, не вдаваясь далее в детали и подробности.

В практической реальности этих лиц, неофициально называют, полуподозреваемый, потенциальный подозреваемый.

Исходя из одинакового процессуального положения этих двух участников, защищающих свои права, должен быть одинаковый процессуальный порядок признания их таковыми.

Статья 64 ч. 1 УПК РК: Подозреваемым является лицо, п. 1) в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого, согласованное с прокурором;

Статья 65-1 УПК РК: Свидетель, имеющий право на защиту, ч. 1: В случае, если на лицо указано...., то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту.

Каким образом лицо приобретает этот статус – точно не регламентировано. Этот статус, по мнению автора, должен быть оформлен путем вынесения соответствующего постановления лицом, в про-

изводстве которого находится уголовное дело.

Более того, в таком положении СИПЗ находился и по окончании расследования и направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу, в отношении других лиц, до 16 июля 2025 года, когда статья 65-1 была дополнена частью 6: Лицо перестает пребывать в положении свидетеля, имеющего право на защиту, с момента приобретения статуса подозреваемого или вынесения постановления об отсутствии оснований для начала в отношении него уголовного преследования (введена в действие 16 сентября 2025 года).

Во многих случаях, в следственной практике, в процессуальном положении СИПЗ находится, образно выражаясь, «до обеда», а «после обеда» принимают к нему меры процессуаль-

ного принуждения, как к подозреваемому.

Автор статьи направлял запросы в поисковые системы Интернета, с целью выяснения наличия подобного процессуального статуса лица, как СИПЗ, в уголовно-процессуальных кодексах других стран, но положительного ответа не обнаружил.

Вывод автора:

Исключить из Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в редакции от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г., **статью 65-1. Свидетель, имеющий право на защиту, поскольку его процессуальное положение идентично процессуальному положению подозреваемого.**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

26

**Добросовестный
приобретатель?
Это уже не важно!**

29

**Правовые механизмы
регулирования
искусственного
интеллекта:
мировая практика**

ТУКЕНОВ Алибек Эдуардович,
адвокат Алматинской городской коллегии адвокатов

Добросовестный приобретатель? Это уже не важно!

Зонт кажется надежным, пока порыв ветра не выворачивает его наизнанку. Стоять под ливнем, сжимая в руках бесполезный скелет из спиц и тряпок — сомнительное удовольствие. Но хуже всего осознание: ты сам поверил в то, что этот девайс обеспечит тебе полный контроль над стихией.

С рынком вторичного жилья сегодня происходит ровно то же самое. Мы привыкли доверять юридическим инструментам, которые десятилетиями считались экспертной гарантией. Но ландшафт изменился. Если вы полагаете, что статус «добросовестного приобретателя» автоматически защитит вашу квартиру — вам пора сменить оптику.

Свежая справка об отсутствии обременений — это тот самый зонт в эпицентре урагана. Пора признать: юридический щит не сломался, он просто перестал соответствовать новой погоде.

Безопасность вторички — иллюзия

Точка входа: крах юридического щита

Ещё недавно статус «добросовестного приобретателя» воспринимался как абсолют. Достаточно было скачать справку (Форму-2), сходить к нотариусу и передать деньги, чтобы обеспечить себе спокойный сон. Сегодня это уже не аксиома, а в лучшем случае — слабая гипотеза.

Покупатель недвижимости в 2026 году выглядит трогательным реликтом. Он выходит на сделку с инструментами десятилетней давности и искренне верит в их эффективность. На практике же справка из реестра — это лишь честная информация о том, что сегодня в 10:00 на объект не наложен арест. И всё. О том, что было вчера, и о том, что прилетит завтра, документ хранит гробовое молчание. Юридический щит не сломался внезапно — про-

сто изменился климат, к которому он не приспособлен.

Фасад безопасности и «ширма» реестра

Нотариус, как и прежде, действует строго в рамках закона: проверяет форму сделки и волю сторон «здесь и сейчас». Он не обязан расследовать биографию объекта или проводить аудит его происхождения. В этом смысле нотариус напоминает регистратора брака: он фиксирует факт, но не анализирует, чем всё закончится, и не проверяет наличие «скелетов в шкафу» или скрытых дефектов биографии.

Даже первичный рынок — новостройки, которые принято считать «чистым листом», — нередко несет в себе первородный грех. Это может быть кривое целевое назначение земли, мутная инвестиционная схема или ошибочное решение акимата десятилетней давности. Эти пороки могут годами не проявляться, пока «чистая» квартира не выйдет на вторичный рынок. Покупатель, как правило, лишен легальных инструментов, чтобы узнать правду — система надежно защищает персональные данные тех, кто стоял в цепочке до него.

Но когда вы в суде уверенно заявляете о своей добросовестности, вы напоминаете человека, который пытается отбиться от урагана тем самым сломанным зонтом.

Математика катастрофы (Экспонента вторички)

Существует опасное заблуждение: чем дольше объект находится в обороте, тем он «чище». Логика обывателя проста — раз квартиру трижды перепродали и никого не выселили, значит, все риски остались в прошлом. На практике всё ровно наоборот.

Риск не просто суммируется. Он растёт экспоненциально количеству переходов права собственности. Каждая перепродажа — это не «очистка» титула временем, а новый слой потенциальных дефектов: наследственные споры, банкротства физических лиц, разделы имущества, корпоративные хвосты или процессуальные ошибки предыдущих владельцев. Одна ошибка, совершенная в 2015 году, способна обнулить право собственности в 2026-м. Именно так падает домино.

Будем немного серьезней

Проблема в том, что за последние годы способ лишить вас собственности стал намного проще. Сегодня истцам нет нужды ввязываться в тяжелую битву за виндикацию по статье 261 ГК РК (истребование имущества у добросовестного приобретателя). Это хлопотно, а шансы на успех — неочевидны.

Современная судебная практика нашла более короткий путь: признание сделки недействительной. Если принести регистратору решение суда о недействительности вашего договора купли-

продажи (или любого из предыдущих), регистрация права будет аннулирована автоматически. В этом сценарии ваша «добросовестность» — лишь юридический артефакт, который не имеет веса при отмене записи в реестре.

И вот вы в суде, не в силах понять смысл вопроса оппонента: «А почему вы не проверили, законно ли участок был выведен из государственного фонда в 2012 году?». Вы апеллируете к логике: на момент подписания договора арестов не было, сделка возмездная, нотариус проверил. Но реальность такова, что ваша добросовестность не является иммунитетом от пороков истории ваших предшественников.

Археология против «чёрного ящика»

Современная модель оборота недвижимости становится парадоксальной. С одной стороны, судебная практика де-факто требует от покупателя «сверхосмотрительности». Вы должны проявить разумную осторожность и оценить риски так, будто вы — штатный аналитик спецслужб.

С другой стороны, вам закрыт доступ к любым инструментам глубокой проверки. Охрана персональных данных, профессиональные тайны и ограничения на запросы превращают историю объекта в «черный ящик». Покупатель обязан быть археологом, но ему законодательно запрещено копать.

Следствие предсказуемо: система сама выдавливает рынок в «серую» зону — к неофициальному поиску информации, слухам и покупке данных через «знакомых». Это не просто неудобство, это деградация легальных институтов.

Умирающая реституция: фикция восстановления

Ключевая иллюзия, в которую верит большинство покупателей, звучит утешительно: «Если что-то пойдет не так, мне просто вернут деньги».

На практике реституция (ст. 157-1 ГК РК) всё чаще существует лишь в виде текста на бумаге. Механика процесса безжалостна: сделка признается недействительной, и этого достаточно, чтобы аннулировать вашу запись о праве собственности. Возврат денег формально обязателен, но фактически он выпадает из уравнения. Продавец может обанкротиться, уехать или просто потратить средства — для отмены вашей регистрации это не имеет никакого значения.

В результате покупатель теряет актив немедленно и безусловно, оставаясь один на один с исполнительным листом к продавцу-пустышке. Катастрофа здесь не в чем-то злом умысле, а в самой конструкции процесса, где физический возврат имущества истцу приоритетнее, чем реальное

восстановление имущественного положения покупателя.

Доктринальный сбой: кувалда вместо скальпеля

В сложных спорах истцы всё чаще отказываются от виндикации в пользу признания сделок недействительными. Это проще, быстрее и, главное, обходит вопрос вашей добросовестности. Истца не заботят ваши трудности — он защищает «свое» право, используя кувалду там, где логика системы требовала бы скальпеля.

Он внимательно прочитал пункты 12 и 13 Нормативного постановления ВС РК № 6. Там кроется юридический приговор для любого последующего владельца: сделка, признанная недействительной, не влечет юридических последствий, за исключением тех, что связаны с ее недействительностью.

Без вины виноватый

В этой конструкции ваше право собственности — лишь «последствие» порочной сделки вашего предшественника. И как только суд отменяет то, первое звено, всё ваше право собственности аннулируется по цепочке.

Вы становитесь жертвой не из-за своей ошибки, а по факту регистрации права, которое система теперь считает «несуществующим». Ваша добросовестность, честная оплата и осмотрительность не имеют значения, если в фундаменте здания, построенного десять лет назад, обнаружилась трещина. Вы не субъект спора, вы — досадная помеха в процессе возврата реестра к «чистому» состоянию.

Декорация доверия

Когда запись в государственном реестре не исцеляет поро-

ки титула и не стабилизирует оборот, под сомнение ставится сам смысл реестра как института доверия. Он перестаёт быть точкой опоры. Если регистрация — это лишь временная запись, которую можно стереть из-за чужих грехов десятилетней давности, то реестр превращается в декорацию, за которой скрывается правовой хаос.

Непроговорённый тупик (или сигнал законодателю)

Здесь не будет лозунгов. Есть лишь обозначение логического предела. Если государство требует от гражданина «сверхосмотрительности», оно обязано предоставить ему легальные инструменты глубокой проверки. Если таких инструментов нет — государство не вправе перекладывать риск системных дефектов на конечно-го приобретателя.

Выбор неизбежен:

либо запись в реестре становится абсолютной и действительно стабилизирует оборот (принцип публичной достоверности);

либо профессиональный аудит (например, адвокатское расследование истории объекта) должен быть легализован и институционализирован.

Третьего варианта не существует. Остальное — это правовая лотерея.

Заключение

Покупая недвижимость на вторичном рынке, вы покупаете не стены и не сотки. Вы покупаете историю. И если эта история не прочитана вами до самого «первородного греха» — вы не собственник. Вы лишь временный арендатор у случая, чье право может быть обнулено канцелярией в любой момент.

Правовые механизмы регулирования искусственного интеллекта: мировая практика

В настоящей статье проводится краткий анализ на предмет сравнения государственных моделей правового регулирования технологий искусственного интеллекта (далее – «ИИ») в развитых странах мира. Так, дается описание применению стратегических риск-ориентированных платформ, используемых в странах Европейского Союза, идет небольшое углубление в Национальный стратегический план по развитию ИИ (National Strategic Plan for the Development of Artificial Intelligence) в Соединенных Штатах Америки (далее – «США»), где изучение этических, правовых и социальных последствий внедрения систем ИИ было обозначено в качестве одной из главных стратегий развития страны в ближайшем будущем.

Актуальность статьи обусловлена несколькими взаимосвязанными процессами – гло-

бальным «регуляторным бумом» в сфере ИИ: от европейского AI Act до китайского Algorithm Recommendation Provisions и казахстанского Закона «Об искусственном интеллекте». Так же затрагивается вопрос растущего разрыва между скоростью технологического развития и способностью общества осмысливать и принимать новые правила игры, а также необходимостью для развивающихся стран, таких как Казахстан, выработать собственную модель регулирования, которая будет не просто копировать западные или восточные образцы, а учитывать национальную правовую культуру, уровень цифровой грамотности и ценностные ориентации населения.

Вместе с тем, автор не обходит стороной и ближайшего соседа Республики Казахстан, торгово-экономического партнера – Китайскую Народную Республику (далее – «КНР»). По мнению

АХМЕТОВ Бауыржан Ушкемпирович,
адвокат Алматинской городской коллегии адвокатов

автора, как показала практика последних лет, технологии ИИ уже успели показать свою эффективность в системе национальной безопасности КНР. Так, в целях минимизации криминогенной обстановки в крайне неблагонадежных регионах, а также установления контроля за крупнейшими технологическими компаниями (в целях недопущения крупными IT-гигантами, такими как Alibaba, Baidu и Tencent монополизировать пользовательские данные граждан), власти КНР внедрили систему (social credit system) рейтинг социального доверия, который оценивает личность каждого гражданина по специально обученным параметрам. При этом, китайское правительство заявляет, что главная задача внедряемой системы заключается вовсе не в обеспечении безопасности, а в «построении гармоничного социалистического общества».

Стержень новой глобальной экономики

В 2026 году Республика Казахстан официально заяви-

ла о своем намерении стать в ближайшей перспективе первым современным цифровым государством в Центральной Азии основными приоритетами которого должны стать технологический прорыв в IT-сфере, создание регионального международного плацдарма для привлечения иностранных инвестиционных компаний, включая их международный цифровой капитал, улучшение жизни граждан путем устранения бюрократических процедур, обеспечение прозрачности функционирования государственного аппарата, а также повышение уровня конкурентоспособности в сфере образования, бизнеса и здравоохранения.

Как сказал Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, выступая на втором заседании Совета по развитию искусственного интеллекта в г. Алматы, «сегодня мир вступил в качественно новый этап технологической трансформации и происходящие изменения не идут ни в какое сравнение с индустриальными революциями XIX-XX веков по скорости

и глубине преобразований, стирая границы между физической реальностью и цифровым пространством. Искусственный интеллект становится стержнем новой глобальной экономики, а большие данные – критически важным ресурсом. В этой связи Казахстан рассматривает развитие искусственного интеллекта как ключевое стратегическое направление. Наша цель – трансформировать Казахстан в современное цифровое государство. Мы создали необходимую институциональную инфраструктуру, теперь нам предстоит обеспечить широкое внедрение искусственного интеллекта во все отрасли экономики. При этом мы будем руководствоваться принципом «технологической осмотрительности», оставаясь твердо приверженными национальным интересам», – подчеркнул он [1].

Именно поэтому по инициативе Главы государства в Алматинской области начато строительство города будущего – Alatau City, который был задуман как первый полностью цифровой город региона: от технологий Smart City до возможности оплаты товаров и услуг криптовалютами [2].

Правила игры меняются

В эпоху, когда стремительная цифровизация искусственного интеллекта окончательно преодолела границы технической сферы и утвердилась в качестве одного из наиболее влиятельных социально-политических феноменов современности, нужно понять очень важную и, как показывает мировая практика, в какой-то мере даже опасную грань между реальностью и виртуальностью. Где

заканчивается ответственность реальных людей, принимающих решения по судьбоносным вопросам в жизни социума и при каких условиях нейронные сети, функционирующие на базе искусственно заданных алгоритмов, вступают в свои законные права, которые все глубже проникают в механизмы принятия государственных решений, способствуют трансформации правовых институтов и кардинально меняют повседневную жизнь людей.

К 2026 году более 80 государств мира приняли или находятся в активной стадии разработки специального законодательства в сфере ИИ [3]. Однако все чаще оказывается, что успех того или иного регуляторного режима определяется не столько степенью его юридической проработанности, сколько уровнем социальной легитимности, то есть осознанным принятием, пониманием и поддержкой со стороны гражданского общества.

Именно поэтому вопросы изучения правового регулирования искусственного интеллекта приобретают сегодня первостепенное значение. Он позволяет выйти за рамки формально-юридического анализа и ответить на принципиально важный вопрос: почему в различных культурных контекстах одни и те же регуляторные меры вызывают диаметрально противоположную реакцию? Почему в одних обществах жесткий государственный контроль над ИИ воспринимается как гарантия безопасности и справедливости, а в других как опасное посягательство на личную свободу и автономию? Почему это так важно?

Данная актуальность обусловлена несколькими взаимосвязанными процессами:

- во-первых, глобальным «регуляторным бумом» в сфере ИИ: от европейского AI Act [4] до китайского Algorithm Recommendation Provisions [5] и отечественного Закона «Об искусственном интеллекте» [6];
- во-вторых, растущим разрывом между скоростью технологического развития и способностью общества осмысливать и принимать новые правила игры;
- в-третьих, необходимостью для развивающихся стран, таких как Казахстан, выработать собственную модель регулирования, которая будет не просто копировать западные или восточные образцы, а учитывать национальную правовую культуру, уровень цифровой грамотности и ценностные ориентации населения.

На сегодняшний день, относительно большинство существующих работ по регулированию ИИ носят юридический или политико-экономический характер. Однако исследования (если говорить о сравнительных межкультурных направлениях) все еще немногочисленны. В данной статье автор пытается восполнить этот пробел, отражая комплексный взгляд на культурные детерминанты восприятия правового регулирования ИИ и проводя параллели с ситуацией в Центральной Азии.

Культурные различия в восприятии регулирования искусственного интеллекта

Европейский континент одним из первых в мире поднял вопрос о

правовом регулировании технологий ИИ, предвидя в них угрозу национальной безопасности, опасаясь нарушения приватности и дискриминации по полу, расовому признаку и религиозным предпочтениям. [7]. В прошлом 2025 году EU AI Act – Европейский регламент по искусственному интеллекту (EU Artificial Intelligence Act, AI Act) стал первым в мире комплексным и всеобъемлющим нормативным актом, специально посвященным регулированию искусственного интеллекта на региональном уровне. Одобренный Европейским парламентом весной 2024 года, он вступил в силу в 2025 году и предусматривает поэтапное внедрение требований в зависимости от уровня риска ИИ-систем.

Регламент охватывает весь жизненный цикл искусственного интеллекта: от этапа проектирования и обучения моделей до их коммерческого размещения и дальнейшего использования. AI Act устанавливает обязательные правовые требования для широкого круга субъектов, в том числе:

- компаний, разрабатывающих и выводящих на рынок Европейского Союза ИИ-системы;
- организаций, применяющих искусственный интеллект в своей деятельности (включая найм персонала, кредитный скоринг, биометрическую идентификацию и другие чувствительные процессы);
- провайдеров, интегрирующих модели машинного обучения в продукты и сервисы, доступные европейским пользователям.

Таким образом, основные цели AI Act заключаются в следующем:

- 1) повышение доверия к ИИ – создание единых стандартов прозрачности, безопасности и ответственности при использовании ИИ в коммерческих и государственных целях;
- 2) управление рисками – введение классификации ИИ по уровням риска: от минимального до недопустимого, и установление соответствующих требований к каждой категории;
- 3) стандартизация процессов – обязательное ведение технической документации, регистрация систем в реестре Европейского Союза и проведение аудитов на соответствие требованиям;
- 4) ответственное развитие технологий – стимулирование инноваций при одновременном предотвращении нарушений прав человека и злоупотреблений ИИ в сфере наблюдения и дискриминации [8].

Одной из наиболее обсуждаемых особенностей EU AI Act стало его экстерриториальное применение. Европейский регламент распространяет свое действие далеко за пределы Европейского Союза: он обязателен для исполнения не только европейскими компаниями, но и всеми иностранными разработчиками, если их ИИ-системы так или иначе затрагивают интересы физических или юридических лиц на территории Европейского Союза.

Таким образом, Европа де-факто установила глобальный стандарт регулирования искусственного интеллекта. Под действие закона подпадают

крупные международные корпорации, разработчики SaaS-платформ, облачных сервисов и даже небольшие стартапы (некто похожее мы наблюдаем и в Китае, о чем будет сказано ниже), которые предлагают свои продукты европейским пользователям или работают с их данными. Это превратило ЕС в одного из главных «законодателей мод» в глобальной цифровой политике.

При этом, Европейское общество демонстрирует наиболее высокий уровень осознанности и критичности по отношению к технологиям искусственного интеллекта. Согласно результатам Special Eurobarometer 554, 84% граждан Европейского Союза убеждены, что развитие ИИ должно сопровождаться «строгим государственным регулированием», поскольку более 70% респондентов выражают серьезную озабоченность вопросами защиты персональных данных и риском дискриминационных решений [9].

На наш взгляд, совершенно справедливо то обстоятельство, что европейская модель регулирования (EU AI Act) пользуется широкой общественной поддержкой. Она органично отражает фундаментальные ценности европейской культуры – безусловный приоритет прав и свобод человека, принцип прозрачности, этическую ответственность и особую защиту уязвимых групп населения.

Прагматизм и инновационный либерализм США

В США общественные настроения выглядят заметно более позитивными и приземленно-деловыми.

Согласно исследованию Pew Research Center, проведенному в 2025 году, лишь 49% американцев выступают за жесткий государственный контроль над развитием искусственного интеллекта. При этом существенная часть населения склоняется к тому, что бизнес сам способен регулировать себя в этой сфере. Здесь наглядно проявляются ключевые культурные ориентиры США: ценность личной свободы, дух предпринимательства и традиционно настороженное отношение к «большому правительству» и его вмешательству [10].

Следует отметить, что еще в период президентского срока Б. Обамы в 2016 году Национальным советом в области науки и технологий (National Science and Technology Council) был утвержден Национальный стратегический план по развитию ИИ (National Strategic Plan for the Development of Artificial Intelligence) [11]. Необходимо подчеркнуть, что осознание и изучение этических, правовых и социальных последствий внедрения систем ИИ было обозначено в нем в качестве одной из главных стратегий развития США в ближайшем будущем.

Помимо этого, с февраля 2019 года в США действует Стратегический план развития исследований и разработок систем ИИ, который был обновлен Управлением по науке и технологической политике Белого дома (The White House Office of Science and Technology Policy) в мае 2023 года [12]. В обновленном документе была зафиксирована необходимость проведения исследований относительно понимания и учета этических, правовых и социальных послед-

ствий внедрения ИИ, согласно стратегическим пунктам № 3, 4, в которых определены четыре направления НИОКР:

- инвестиционный вклад в фундаментальные исследования для продвижения основных ценностей алгоритмов работы нейронных сетей (посредством проектирования социотехнических систем и этических, правовых и социальных последствий ИИ);
- смягчение социальных и этических рисков, связанных с технологиями искусственного интеллекта;
- использование нейронных сетей для решения правовых, этических и социальных проблем;
- прогнозирование рисков относительно глобальных последствий ИИ.

Ожидается, что все эти направления смягчат градус напряженности между государством и социумом – сторонников консервативных взглядов и ценностей, которые в той или иной мере проявляют демонстративное недоверие к внедрению IT-технологий в их повседневную жизнь.

Китай и гармоничное общество

В другой активно развивающейся технологии нейронных сетей стране – КНР напротив функционально работает принцип коллективизма и присутствует тотальное доверие населения государству, благодаря чему, там наблюдается одна из самых высоких степеней принятия государственного регулирования ИИ. Согласно исследованиям 2024-2025 годов, более 75% китайцев положительно отнес-

лись к активной роли государства в контроле за современными технологиями. Развитие искусственного интеллекта воспринимается не как угроза индивидуальной свободе, а как инструмент национального развития, социальной гармонии и усиления государства. Коллективистская культура и высокий уровень доверия к центральной власти играют в этой стране ключевую роль.

Как показала практика последних лет, технологии ИИ уже успели показать свою эффективность в системе национальной безопасности Китая. Так, в целях минимизации криминальной обстановки в крайне неблагонадежных префектурах, либо регионах, а также установления контроля за крупнейшими технологическими компаниями (в целях недопущения крупными IT-гигантами, такими как Alibaba, Baidu и Tencent монополизировать пользовательские данные граждан), власти КНР внедрили систему (social credit system) рейтинг социального доверия, которая оценивает

личность каждого гражданина по специально обученным параметрам.

При этом правительство КНР заявляет, что главная задача внедряемой системы заключается вовсе не в обеспечении безопасности, а в «построении гармоничного социалистического общества». Краеугольным камнем этой общественной модели провозглашена честность, которая должна присутствовать во всех действиях гражданина – от поведения на просторах Интернета до почтительного отношения к собственным родителям. Для планомерного воспитания этого качества у населения каждому жителю страны присваивается индивидуальный рейтинг – баллы. Они начисляются за безупречное соблюдение законодательства, участие в полезных для общества мероприятиях, а также, к примеру, за своевременное погашение кредитных обязательств, уплату налогов. За различные нарушения в зависимости от их тяжести баллы, напротив, списываются.

Если итоговый рейтинг опускается ниже установленной проходной отметки, жизнь человека рискует превратиться в череду серьезных ограничений и запретов. В период внедрения первой версии данной системы в сентябре 2016 года власти КНР обнародовали детализированный перечень санкций, применяемых к обладателям низких рейтингов:

- нарушителям запрещается трудоустраиваться в государственных учреждениях;
- нарушители могут лишиться доступа к социальному обеспечению;
- для нарушителей предусмотрен особо тщательный досмотр при пересечении таможенной границы;
- под запрет попадает занятие руководящих должностей в сферах пищевой и фармацевтической промышленности;
- нарушителям отказывают в оформлении авиабилетов, а также в предоставлении спальных мест в поездах, следующих ночными рейсами;
- для нарушителей закрывается доступ к бронированию номеров в гостиницах класса люкс и столикам в дорогих ресторанах;
- детям нарушителей отказывают в праве на обучение в престижных частных школах.

С точки зрения руководства КНР, разграничить честное и нечестное поведение довольно просто. Водораздел здесь проходит ровно по той же линии, что и между соблюдением и нарушением законодательства. Однако многие эксперты схожи во мнении о том, что китайские законодательные акты регулируют повседневное существо-

вание человека несравнимо подробнее и дотошнее, чем это делают нормативные правовые акты, например, государств Центральной Азии [13].

Данные меры полностью соответствуют китайской доктрине развития ИИ нового поколения, представленной Государственным Советом в Проекте разработки ИИ нового поколения, еще в 2017 году, которая рассчитана на период с 2020 по 2030 г.г.

Как пишет профессор Московского государственного юридического Университета им. О. Кутафина, А.А. Петров, данный проект включает в себя несколько направлений:

- 1) усиление вычислительных мощностей, работоспособности, аналитического потенциала и прогнозной мощности всех социально-экономических и военно-политических структур, включая систему ССК-SCS;
- 2) превращение КНР в научно-технологическую сверхдержаву;
- 3) развитие уникальных преимуществ в военно-технологической сфере;
- 4) превращение Китая в главный мировой центр новейших технологий в области ИИ, определяющий мировые тенденции развития ИИ;
- 5) решение внутривнутриполитической задачи по организации масштабного контроля за поведением населения с целью обеспечения стабильности и сохранения действующей власти [14].

Профессор А.А. Петров далее отмечает, что «реализация указанных задач обеспечивается массированным государственным

финансированием и финансовыми ресурсами частных высокотехнологических компаний. До 2030 года только на развитие ИИ-нового поколения выделяется не менее 150 млрд. долл. США и еще 1,5 трлн. долл. США направляется на компьютеризацию государственных институтов и программ» [14].

Ожидается, что в ближайшие несколько лет (до 2030 года) китайская индустрия ИИ займет довольно внушительные, если не самые сильные позиции мирового лидера и инновационного центра ИИ-разработок, превысив 1 трлн. юаней, а в смежных отраслях 10 трлн. юаней.

Не отстают от США, Европы и Китая так называемые и «Азиатские тигры» – Сингапур, Южная Корея, Япония. Данные государства демонстрируют сбалансированную модель развития систем ИИ, где высокий технологический оптимизм плавно сочетается с поддержкой государственного регулирования в вопросах безопасности и этики. Население этих стран, аналогично китайскому, доверяет государству как эффективному модератору технологического прогресса и в этом аспекте уже имеются свои преимущества.

Искусственный интеллект в Центральной Азии: поиск собственной модели

Если говорить о Центральной Азии, то здесь можно с уверенностью подчеркнуть, что именно Республика Казахстан, как наиболее успешное в цифровом отношении государство региона, находится в уникальной позиции. На сегодняшний день, Казахстан внимательно изучает, анализирует и адаптирует под свои законодательные инициативы лучшие

международные практики (европейскую риск-ориентированную модель) и уже Указом Президента Республики Казахстан от 18 сентября 2025 года создано отдельное ведомство – Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития [15], которое является государственным органом, осуществляющим руководство и межотраслевую координацию в сферах аэрокосмической и электронной промышленности, научно-технического развития страны, геодезии, картографии и пространственных данных, обеспечения информационной безопасности в сферах информатизации, «электронного правительства», персональных данных и их защиты, цифровых активов, проектного управления, а также в области связи, развития государственной политики в сфере оказания государственных услуг и по управлению данными [16].

Однако при всех своих положительных качествах создание отдельного министерства не гарантирует молниеносный результат в битве за первенство стать региональным цифровым хабом в Центральной Азии, поскольку это долгий и планомерный процесс со своими рисками и издержками в политическом и экономическом плане. Несмотря на это, Президентом Казахстана К.-Ж.К. Токаевым в его недавнем Послании народу «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» была поставлена предельно амбициозная задача – превращения Республики Казахстан в течение трех лет в полноценную цифровую страну [17]. По этому поводу он заявил следующее: «Ключевым компонентом нашего стратегического

курса должно стать повсеместное внедрение искусственного интеллекта и тотальная цифровизация, которые могуткратно усилить потенциал страны во всех сферах» [17].

На начало 2026 года амбициозные цели, поставленные Главой государства К.-Ж.К. Токаевым, уже планомерно претворяются в жизнь. Так, Президентом были подписаны два судьбоносных по своей значимости законодательных акта – Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII и Цифровой кодекс Республики Казахстан от 09 января 2026 года № 255-VIII. При этом, не следует забывать, что Казахстан, как государство с переходной экономикой и все еще реформирующейся законодательной базой продолжает сталкиваться с типичными для постсоветского пространства вызовами – относительно низкой цифровой грамотностью населения, высоким запросом на государственную защиту и заметным региональным неравенством.

Предварительные данные показывают, что казахстанское общество демонстрирует смешанный тип восприятия технологий ИИ в их повседневную жизнь:

- высокий технологический оптимизм среди молодежи и жителей крупных городов;
- значительная обеспокоенность вопросами приватности и цифрового контроля;
- за последние годы зафиксировано довольно высокое доверие государству как регулятору (выше, чем в Западной Европе, но ниже, чем в Китае) [18].

В других странах Центральной Азии, таких как Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан уровень доверия к государственному регулированию ИИ коррелирует с общим доверием к власти, однако и там тоже наблюдается тенденция, когда взрослое население отличается консервативностью и проявляет меньше активности в освоении технологий ИИ, нежели молодое поколение.

Заключение

Мировой опыт убедительно доказывает, что правовое регулирование ИИ обусловлено, в первую очередь, актуальной законодательной базой, развитыми технологическими инициативами и четким государственным регламентированием в плане применения нейронных систем в общественной жизни граждан. При этом, можно заключить, что на сегодняшний день ни у одного государства в мире нет универсальной модели, которая одинаково эффективно работала бы во всех социальных структурах. Республика Казахстан, а вслед за ней и государства Центральной Азии идут по пути освоения гибридной модели развития ИИ, сочетающей в себе риск-ориентированный подход европейского типа; учет национальных культурных особенностей и высокого запроса на государственную защиту; механизмы общественного участия и повышения цифровой и правовой грамотности населения. И как показывает практика последних лет, подобный подход способен обеспечить не только технологическое развитие, но и планомерный переход от регламентировано-ограниченной модели внедрения нейронных сетей, до их полной социальной легитимности в системе правового регулирования и цифровой безопасности

каждого гражданина в государствах Центральной Азии.

Список использованных источников:

1. Глава государства провел второе заседание Совета по развитию искусственного интеллекта // Официальный сайт Президента Республики Казахстан «Акорда». URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vto-roe-zasedanie-soveta-po-razvitiyu-iskusstvennogo-intellekta-44481> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 11.05.2026);
2. Город Алатау должен стать первым цифровым городом Казахстана // Сайт bluescreen.kz URL: <https://bluescreen.kz/gorod-alatau-dolzhen-stat-piervym-tsifrovym-ghorodom-kazakhstana/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 12.05.2026);
3. Регуляторы и ИИ: какие законы о нейросетях приняли в мире к 2026 году и как это меняет отрасль // Сайт text.ru URL: <https://text.ru/blog/regulatory-i-ii-kakie-zakony-o-neyrosetyah-prinyali-v-mire-k-2026-godu-i-kak-eto-menyaet-otrasl> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 17.05.2026);
4. EUAIact «What is the EUAIact?» // URL: https://www.euaiact.com/web_page_name [Электронный ресурс] (Дата обращения: 17.05.2026);
5. China Law Translate Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/algorithms/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 17.05.2026);
6. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 18.05.2026);
7. The EU Just Passed Sweeping New Rules to Regulate AI // Сайт WIRE-DURL: <https://www.wired.com/story/eu-ai-act/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 18.05.2026);
8. Регулирование ИИ в Европе: что должен знать бизнес в 2025 году // Сайт WCR Consulting. URL: <https://wcr-consulting.com/blog/2025/10/20/ai-regulation-in-europe-what-businesses-need-to-know-in-2025/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 18.05.2026);
9. Special Eurobarometer SP554 : Artificial Intelligence and the future of work // URL: https://data.europa.eu/data/datasets/s3222_101_4_sp554_eng?locale=en [Электронный ресурс] (Дата обращения: 18.05.2026);
10. How Americans View AI and Its Impact on People and Society // URL: <https://www.pewresearch.org/science/2025/09/17/how-americans-view-ai-and-its-impact-on-people-and-society/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 19.05.2026);
11. The Administration's Report on the Future of Artificial Intelligence // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/10/12/administrations-report-future-artificial-intelligence/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 16.05.2026);
12. National artificial intelligence research and development strategic plan 2023 update // URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 19.05.2026);
13. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // URL: https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7?utm_referrer=https%3A%2F%2Fupr.ru%2F [Электронный ресурс] (Дата обращения: 19.05.2026);
14. Петров А.А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия // Научный журнал «Chronos». – 2020. – № 8 (46). – С. 11-24. [Электронный ресурс] (Дата обращения: 19.05.2026);
15. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления» от 18 сентября 2025 года № 997 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан «Акорда». URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-merah-po-dalneyshemu-sovershenstvovaniyu-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya-1883846> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 20.05.2026);
16. Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/about?lang=ru> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 21.05.2026);
17. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu885145?Ysclid=mq5cgf4hw89064695> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 21.05.2026);
18. Казахстан вошел в ТОП-30 стран с высоким уровнем использования ИИ // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/press/news/details/1233159?Lang=ru> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 22.05.2026).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

38

**Административный
контроль и судебная
защита как элементы
единого механизма
восстановления
нарушенных прав в
Республике Казахстан**

Родионова Галина Александровна,
адвокат Алматинской городской юридической консультации

Административный контроль и судебная защита как элементы единого механизма восстановления нарушенных прав в Республике Казахстан

Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее по тексту – «АППК») вступил в силу с июля 2021 года.

Ранее, при рассмотрении административных споров в порядке гражданского судопроизводства, судами общей юрисдикции, в пользу граждан и предпринимателей разрешалось порядка 15% споров. После введения АППК, показатель составляет 62-65%.

Такое резкое увеличение положительных результатов свидетельствует о существенном изменении судебной практики.

Изначально АППК был принят как инструмент реальной защиты лица от незаконных действий и бездействий государственных органов, и как средство преодоления формализма во взаимоотношениях

граждан и государственных органов.

Его назначение состоит не в легализации административных решений, а в установлении действенного судебного контроля за пределами и способом осуществления властных полномочий.

Статья 3 раскрывает, что, АППК регулирует отношения, связанные с осуществлением внутренних административных процедур государственных органов, административных процедур, а также порядок административного судопроизводства. Его основными задачами являются:

- полная реализация публичных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц;
- достижение баланса частных и общественных интересов в публично-правовых отношениях;

- обеспечение эффективного и прозрачного государственного управления, в том числе посредством участия лиц в принятии управленческих решений;
- укрепление законности в публично-правовой сфере;
- формирование единой административной практики.

Статья 5 утверждает, что задачей административного судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное разрешение административных дел с целью эффективной защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических лиц, прав и законных интересов юридических лиц в публично-правовых отношениях.

Основная предпосылка АПК — изменение логики взаимодействия государственных органов с физическими лицами и предпринимателями.

На сегодняшний день, фактически судопроизводство по административным искам, зачастую является неотъемлемой частью административной процедуры.

Несмотря на высокий уровень удовлетворяемости административных исков в пользу граждан и предпринимателей, необходимо отметить, что это высокий показатель положительных результатов рассмотрения судебных дел по административным искам содержит в себе более 70% судебных актов, предполагающих обязанность административного органа повторно рассмотреть обращение участника административной процедуры.

Сегодня мы можем отметить успешное преодоление первого этапа развития административной юстиции — преодоление административного формализма. Вторым этапом должно стать преодоление процессуального формализма судебного контроля.

Защита в административном судопроизводстве не может считаться эффективной, если исполнение судебного акта выражается лишь в контроле формального соблюдения административной процедуры или повторении ранее признанных незаконными доводов административного органа под видом нового рассмотрения обращения. В таких случаях нарушенное право формально признается восстановленным, однако фактически правовое положение лица не изменяется.

Задача суда при рассмотрении административных исков заключается не только в проверке формальной законности административного акта или процедуры, а в оценке реального воздействия решений, действий (бездействия) административного органа на

права, свободы и законные интересы лица.

Повторное принятие тождественного по смыслу административного акта, сохранение прежних мотивов отказа либо имитация рассмотрения обращения свидетельствуют о злоупотреблении публичной властью и несовместимы с целями административного судопроизводства.

Принцип активной роли суда предполагает обязанность суда пресекать подобную практику, обеспечивать баланс публичного и частного интересов, а также гарантировать, чтобы восстановление нарушенных прав носило реальный, а не декларативный характер. Формальное исполнение судебного акта не может подменять собой достижение результата, ради которого лицо обращается за судебной защитой.

Обобщение и анализ судебной практики показывают, что существует несколько основных моделей судебной защиты:

Декларативная защита, характеризуется формальной отменой

«мотивированного отказа», обязыванием осуществить повторное рассмотрение обращения, что влечет сохранение риска повторного отказа и отсутствие фактического восстановления нарушенного права.

Процедурная защита, при которой суд ограничивается проверкой соблюдения административной процедуры (90% случаев – нарушение процедуры заслушивания по формальным основаниям). Такая модель защиты отличается ограниченным контролем мотивировки и отсутствием анализа соразмерности.

Эффективная судебная защита представляет собой полную проверку содержания мотивированного отказа, анализ соразмерности, установление баланса публичного и частного интересов, что повлечет исключение возможности повторного тождественного отказа и реальное восстановление права лица, обратившегося за судебной защитой.

Административная юстиция не достигает своей цели, если судебная защита ограничивается устранением процессуального дефекта без реального восстановления нарушенного права.

Анализ судебной практики показывает, что эффективность судебной защиты по административным делам зависит не столько от категории спора, сколько от модели судебного контроля, применяемой судом.

В настоящее время административная юстиция Казахстана находится непосредственно на этапе формирования единых подходов.

Неоднородная судебная практика создает правовую неопределенность.

Анализ отдельных категорий дел показывает отсутствие единообразного подхода к вопросу обязательности и значения внутриведомственного контроля.

В практике возникают ситуации, когда суд фактически подменяет собой процедуры административного пересмотра, не исследуя в полной мере возможность устранения нарушения в рамках ведомственного контроля либо иных административных механизмов.

Такой подход способен привести к чрезмерной судебизации публично-правовых споров и снижению значения административных процедур как самостоятельного способа восстановления нарушенных прав.

Между тем эффективность восстановления нарушенного права определяется не только качеством судебного контроля, но и результативностью механизмов административного контроля, предшествующих обращению в суд.

Наиболее обширная судебная практика имеется по делам, связанным с получением исходных документов для проектирования и строительства объектов, поэтому данная категория дел — крайне удобный материал для демонстрации системных дефектов правоприменения.

Данная категория дел отличается: высокой зависимостью заявителя от административного усмотрения; участием в административной процедуре сразу

нескольких госорганов (Управление архитектуры, Управление земельных отношений и органы контроля); длительностью административных процедур; высокой экономической значимостью, влиянием на инвестиционный климат и наличием множества обширных дискреционных формулировок.

Именно поэтому по данной категории дел особенно заметно насколько суд реально контролирует публичную власть, либо ограничивается формальным подходом.

Категория дел, связанных с получением исходных документов для проектирования объектов, как правило связана с оказанием государственных услуг.

Контролирующим органом и органом рассматривающим жалобы граждан в порядке досудебного урегулирования являются территориальные департаменты Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы.

В настоящее время участники административных процедур (граждане и представители бизнес среды) сталкиваются с тем, что потенциал Агентства остается недооцененным, несмотря на то, что данный орган досудебного контроля обладает рядом преимуществ: реагирует значительно быстрее суда; имеет полномочия проводить проверки; может истребовать материалы административной процедуры; может выдавать обязательные для рассмотрения акты реагирования; может ставить вопрос о привлечении должностных лиц к ответственности, т.е. фактически осуществляет внешний

контроль за качеством оказания государственных услуг.

По сути, это один из немногих органов, который способен устранять нарушение еще до появления судебного спора.

Одним из факторов повышения эффективности административной юстиции является не только совершенствование судебного контроля, но и развитие механизмов внесудебного административного контроля.

Таким образом, вклад Агентства в защиту прав может оказаться значительно больше, чем принято считать. Ситуации, когда незаконный отказ выявляется еще на стадии проверки, а проблема заключается уже не в обнаружении нарушения, а в дальнейшем исполнении акта реагирования и восстановлении права.

Фактически недооцененным можно считать не только потенциал самого Агентства, но и вообще роль административного контроля как самостоятельного механизма защиты публичных прав.

Может ли административная юстиция считаться эффективной, если суды демонстрируют высокий процент удовлетворения исков, но потенциал административного контроля остается недооцененным, а восстановление нарушенного права зачастую требует прохождения всех стадий — от жалобы до судебного решения?

Пятилетний опыт функционирования административной юстиции позволяет констатировать, что АППК обеспечил качествен-

ное изменение судебной практики и существенно повысил уровень защиты граждан и бизнеса в публично-правовых отношениях.

Вместе с тем дальнейшее развитие административной юстиции требует смещения акцента с формального показателя удовлетворения исков на оценку фактического восстановления нарушенных прав, при котором основным критерием эффективности судебной защиты должно выступать не количество отмененных административных актов, а способность судебного решения окончательно разрешить административный конфликт и обеспечить достижение результата, ради которого лицо обратилось за защитой.

Пять лет функционирования административной юстиции Республики Казахстан позволяют признать состоявшимся переход от модели преимущественной защиты публичного интереса к модели судебного контроля за осуществлением публичной власти.

АППК доказал свою эффективность как инструмент защиты граждан и бизнеса от незаконных административных решений. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего развития единых подходов к пониманию принципа эффективной судебной защиты.

Именно способность суда обеспечить фактическое восстановление нарушенного права должна рассматриваться в качестве основного критерия зрелости административной юстиции на современном этапе ее развития.

Представляется, что эффективность административной юстиции не может оцениваться исключительно через призму показателей административного судопроизводства. Критерием эффективности должна выступать способность всей системы публично-правовой защиты обеспечить максимально раннее и окончательное восстановление нарушенного права.

ГОСТЬ

**Цифровая сделка и
пределы упрощенного
производства:
требуется ли
переосмысление
стандартов судебного
доказывания?**

43

Цифровая сделка и пределы упрощенного производства: требуется ли переосмысление стандартов судебного доказывания?

АКПАЕВА Жанна Жуматаевна,
Судья районного суда № 2 Алмалинского района города Алматы

В юридическом сообществе Казахстана все чаще обсуждаются вопросы цифровизации гражданского оборота, электронных договоров, дистанционной идентификации личности, применения искусственного интеллекта и платформенной экономики (цифровые сервисы).

Крупные платформы аккумулируют колоссальные объемы данных и могут диктовать свои условия продавцам, что вынуждает государства обновлять антимонопольное законодательство. Возникновение «гиг-экономики» (фриланс) заставляет законодателей пересматривать трудовое законодательство, разрабатывать механизмы предоставления таким работникам социальных гарантий и пенсионного обеспечения. Государства вводят новые требования к цифровым платформам, включая маркетплейсы, в части возврата товаров, ответственности за их

качество и прозрачности ценообразования. Одновременно формируются новые налоговые режимы, учитывающие особенности платформенной занятости и цифровой экономики.

В Казахстане планируется внедрение полноформатной системы электронного Парламента (e-Parliament). Об этом заявил Глава государства Касым-Жомарт Токаев, выступая на совместном заседании палат Парламента. В эпоху тотальной цифровизации и искусственного интеллекта Курултаю придется работать в ускоренном темпе для оперативной адаптации национального законодательства к стремительно меняющимся реалиям в цифровой матрице, – подчеркивал Президент [1].

Цифровая эволюция требует безусловного совершенствования материального права. Вместе с тем, не менее существен-

ные изменения необходимы и в сфере процессуального права, поскольку цифровизация затронула формы возникновения, исполнения и доказывания гражданско-правовых обязательств. В этих условиях закономерно возникает вопрос о соответствии существующей модели гражданского процесса природе цифровых правоотношений и ее способности обеспечить эффективную судебную защиту их участников.

Наиболее отчетливо этот вопрос проявляется при рассмотрении споров, возникающих из электронных договоров займа (о предоставлении микрокредита).

Именно эта категория дел стала своеобразным испытанием для гражданского процесса, поскольку требует оценки дистанционной идентификации личности, электронного волеизъявления, цифровых следов совершения сделки и иных электронных доказательств, которые нередко являются единственным подтверждением возникновения обязательства.

В последние годы количество таких споров увеличилось многократно. Вместе с ростом цифрового кредитования произошло и стремительное увеличение количества судебных дел о взыскании задолженности. При этом значительная часть подобных споров рассматривается в порядке упрощенного производства. Превалирующая масса таких дел разрешается на уровне районных судов.

Цифровая форма сделки сохраняет сущность обязательственных отношений. Под цифровой

сделкой следует понимать сделку, совершаемую в электронной форме посредством электронного документа и цифровых средств идентификации, подтверждающих волю сторон.

Способна ли существующая процессуальная модель обеспечить тот уровень судебной проверки, которого требуют цифровые доказательства?

В момент принятия главы 21-1 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан об упрощенном (письменном) производстве предполагалось, что подобные дела обладают очевидностью. Но цифровизация изменила объект доказывания. Законодатель создавал институт упрощенного производства для бесспорных требований. Однако цифровая трансформация гражданского оборота изменила характер таких споров. Сегодня цена иска далеко не всегда отражает сложность установления юридически значимых обстоятельств.

Достаточна ли существующая процессуальная форма для исследования электронной сделки?

Особенность действующего процессуального регулирования заключается в том, что значительная часть подобных дел одновременно рассматривается в упрощенном порядке и не подлежит кассационному пересмотру.

Следовательно, именно практика судов первой и апелляционной инстанций фактически формирует окончательный стандарт оценки электронных доказательств.

При отсутствии единообразных подходов различия в судебной практике перестают быть локальной проблемой отдельных дел и начинают непосредственно влиять на уровень судебной защиты тысяч граждан.

Цена иска перестала быть критерием сложности дела.

Независимо от размера исковых требований спор может потребовать исследования биометрической идентификации/аутентификации, журналов событий, IP-адреса, OTP-код с подтверждением собственника абонентского номера, серверных логов, электронной цифровой подписи, последовательности действий пользователя.

Электронный заем – лишь первая стадия цифровизации гражданского оборота.

Уже сегодня появляются сделки, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, автоматизированных платформ, цифровых агентов.

Если процессуальное законодательство не выработает специальных стандартов исследования цифровых доказательств уже сейчас, аналогичные проблемы неизбежно возникнут и в иных категориях гражданских дел.

Цифровизация не снижает значение судебной защиты. Напротив, чем сложнее становятся технологии заключения сделок, тем выше должны становиться требования к судебному доказыванию.

Сейчас как никогда настало время для профессиональ-

ной дискуссии о новой модели судебного доказывания по цифровым гражданским спорам.

Очевидно, что цифровой спор требует переосмысления критериев выбора процессуальной формы и стандарта судебного доказывания.

Цифровая трансформация изменила экономику, способы заключения сделок и формы взаимодействия граждан с финансовыми организациями.

Институт упрощенного производства создавался как эффективный механизм разрешения дел, не требующих сложного исследования доказательств. Но электронная сделка поставила перед судом принципиально новые задачи. Сегодня предметом судебного исследования становятся цифровые данные.

Современная экономика объективно невозможна без цифровых сервисов, дистанционного кредитования и электронного документооборота. Стало очевидно, что цифровая трансформация изменила природу доказательств, которыми эти сделки подтверждаются в суде.

Может ли гражданский процесс оставаться неизменным, если кардинально изменился объект судебного познания? Если юридически значимые факты все чаще подтверждаются цифровыми следами, журналами событий, электронными сообщениями, биометрической идентификацией, логами информационных систем и иными электронными доказательствами, то неизбежно требует пересмотра и про-

цессуальная модель их судебной оценки.

Это означает необходимость нового осмысления критериев, распределения бремени доказывания и стандарта достаточности и оценки цифровых доказательств.

Значение этого вопроса выходит далеко за пределы судебной практики по вышеуказанной категории дел. Линейка категорий споров стремительно растет.

По существу, речь идет о способности гражданского процесса обеспечить **конституционное право на судебную защиту** в условиях цифровой экономики и сохранить доверие общества к судебной власти.

Поэтому главный вопрос заключается в том, какие первоочередные шаги следует предпринять, чтобы гражданский процесс смог уже сегодня адаптироваться к новой цифровой реальности, обеспечив при этом законность.

В этих условиях на суд возлагается новая задача – суд должен установить, какое обязательство возникло в действительности и какими цифровыми параметрами подтверждается воля человека.

Современная научная литература подчёркивает, что электронные доказательства представляют собой результат функционирования информационных систем, а не самостоятельный объект доказательства. Поэтому при их оценке необходимо исследовать надёжность систе-

мы, которая сформировала цифровой след [4].

По мнению Стивена Мейсона, одного из ведущих исследователей электронных доказательств, суд обязан оценивать не только сам цифровой файл, но и технологическую среду его создания, включая систему регистрации действий пользователя и механизмы защиты данных [4].

Даниэль Сэнг обращает внимание на то, что цифровые доказательства могут быть созданы как человеком, так и автоматически информационной системой. Это требует различного подхода к их доказательственной оценке, поскольку автоматические данные отражают работу алгоритма, а не непосредственное волеизъявление лица [5].

В этих условиях традиционная модель доказывания, основанная на материальных носителях, демонстрирует свои пределы. Цифровому доказательству присущи такие свойства, как абстрактность, опосредованность, интерпретируемость, технологическая зависимость и трансграничность.

К общепризнанным международным стандартам оценки цифровых доказательств относятся требования целостности данных, проверяемости источника, неизменности информации, аутентичности цифрового следа [6].

Как отмечает Джордж Пол, цифровые доказательства позволяют осуществлять реконструкцию событий на основе анализа цифровых следов – логов, мета-

данных, временных отметок и сетевых идентификаторов [7].

Однако наличие данных само по себе ещё не означает установление юридически значимого факта. Техническая фиксация события и правовое доказательство относятся к различным категориям.

Цифровая сделка существует для суда лишь постольку, поскольку установлены её обязательные элементы (субъект, факт выражения воли, способ идентификации, неизменность данных и причинная связь между действием и возникновением обязательства).

В теории гражданского процесса доказывание рассматривается как центральный элемент судебной деятельности, направленный на установление юридически значимых фактов. Как отмечает профессор З.Х. Баймолдина, доказательства приобретают юридическое значение лишь тогда, когда позволяют суду сформировать внутреннее убеждение относительно наличия обстоятельств, входящих в предмет доказывания [2].

Личные наблюдения за судебной практикой показывают, что понимание стандартов доказывания в цифровых делах остаётся фрагментарным. Скриншоты, цифровые sms-коды нередко принимаются судами как достаточные доказательства без проверки их подлинности и источника происхождения.

В цифровую эпоху судья остаётся главным носителем ответственности за справедливость решения.

В этой связи представляется необходимым:

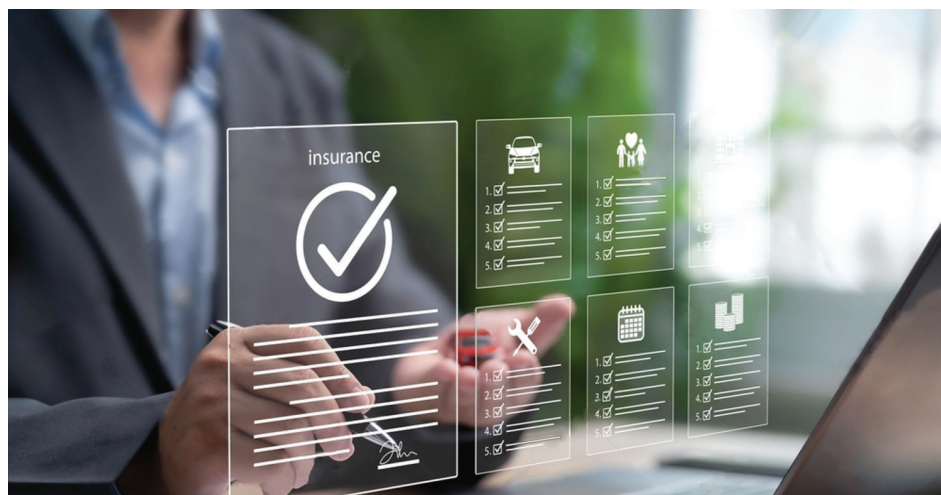
- разработать единые методические рекомендации по оценке цифровых доказательств;
- внедрить дифференцированные стандарты доказывания для цифровых дел;
- развивать судебную экспертизу в сфере цифровых технологий;
- рассмотреть возможность создания специализированных цифровых судов (Smart court).

Право должно адаптироваться к цифровой реальности, не утра-

чивая своего гуманистического содержания.

Список использованных источников:

1. Токаев К.-Ж.К. Выступление Главы государства. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-sovmestnom-zasedanii-palat-parlamentna-3054921>.
2. Баймолдина З.Х. Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции развития. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-sudoproizvodstvo-v-respublike-kazahstan-novelly-i-tendentsii> (дата обращения: 2023 г.).
3. Mason S., Seng D. Electronic Evidence. 4th ed. — London: Institute of Advanced Legal Studies, University of London Press, 2017. — 421 p. Открытый доступ: <https://books.uolpress.co.uk/10.14296/517.9781911507079.pdf>.
4. Mason S. Electronic Signatures in Law. 4th ed. — London: Institute of Advanced Legal Studies, University of London Press, 2016. — 476 p. Открытый доступ: <https://sas-space.sas.ac.uk/6518/>.
5. Mason S., Seng D. (eds.). Electronic Evidence and Electronic Signatures. 5th ed. — London: University of London Press, 2021. — 604 p. Открытый доступ: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/55755>.
6. Paul G.L. Foundations of Digital Evidence. — Chicago: American Bar Association, 2008. — 450 p.
7. Murdoch S., Seng D., Schafer B., Mason S. The Sources and Characteristics of Electronic Evidence and Artificial Intelligence. In: Mason S., Seng D. (eds.) Electronic Evidence and Electronic Signatures. — London: University of London Press, 2021. — P. 1–50.

Мысли замечательных людей

Тот, кто не знает своих ограничений, никогда не узнает и своей свободы.

Сенека

Самый опасный раб — тот, кто считает себя свободным, но живёт по чужим правилам.

Жан-Жак Руссо

Истинная сила — не в том, чтобы никогда не ошибаться, а в том, чтобы не повторять ошибок.

Конфуций

Никто не становится мудрее от чужих ошибок. Свои — вот настоящий университет.

Михаил Булгаков

Воспитание — это единственный закон, который работает даже тогда, когда за тобой никто не наблюдает.

Аристотель

Настоящий адвокат не ищет лазейки в законе — он строит мосты к справедливости.

Равиль Идрисов

Победитель в споре редко побеждает в деле. Проигравший в споре часто выигрывает уважение.

Блез Паскаль

Тот, кто управляет своими минутами, со временем овладевает годами и судьбой.

Мария Эджуорт

Лучше быть строгим к себе сегодня, чем оправдываться перед миром завтра.

Роберт Кийосаки

Тот, кто хочет изменить мир, но не готов изменить распорядок своего утра, — мечтатель, а не боец.

Марк Аврелий

Мудрый не избегает конфликтов — он превращает их в возможность стать лучше.

Бенджамин Франклин

Самый тяжёлый бой — это бой с собственной ленью и страхом.

Спартанская мудрость

О нас думают плохо лишь те, кто хуже нас, а те, кто лучше нас, им просто не до нас.

Омар Хайям

Умение промолчать, когда слово может разрушить, дороже любой риторики.

Лао-цзы

Человек, который никогда не ошибается, получает приказы. Тот, кто ошибается и исправляется, — их отдаёт.

Бернард Шоу

Тот, кто боится трудных вопросов, никогда не найдёт правильных ответов.

Вольтер

Мелкие уступки совести приводят к большим поражениям характера.

Антисфен

